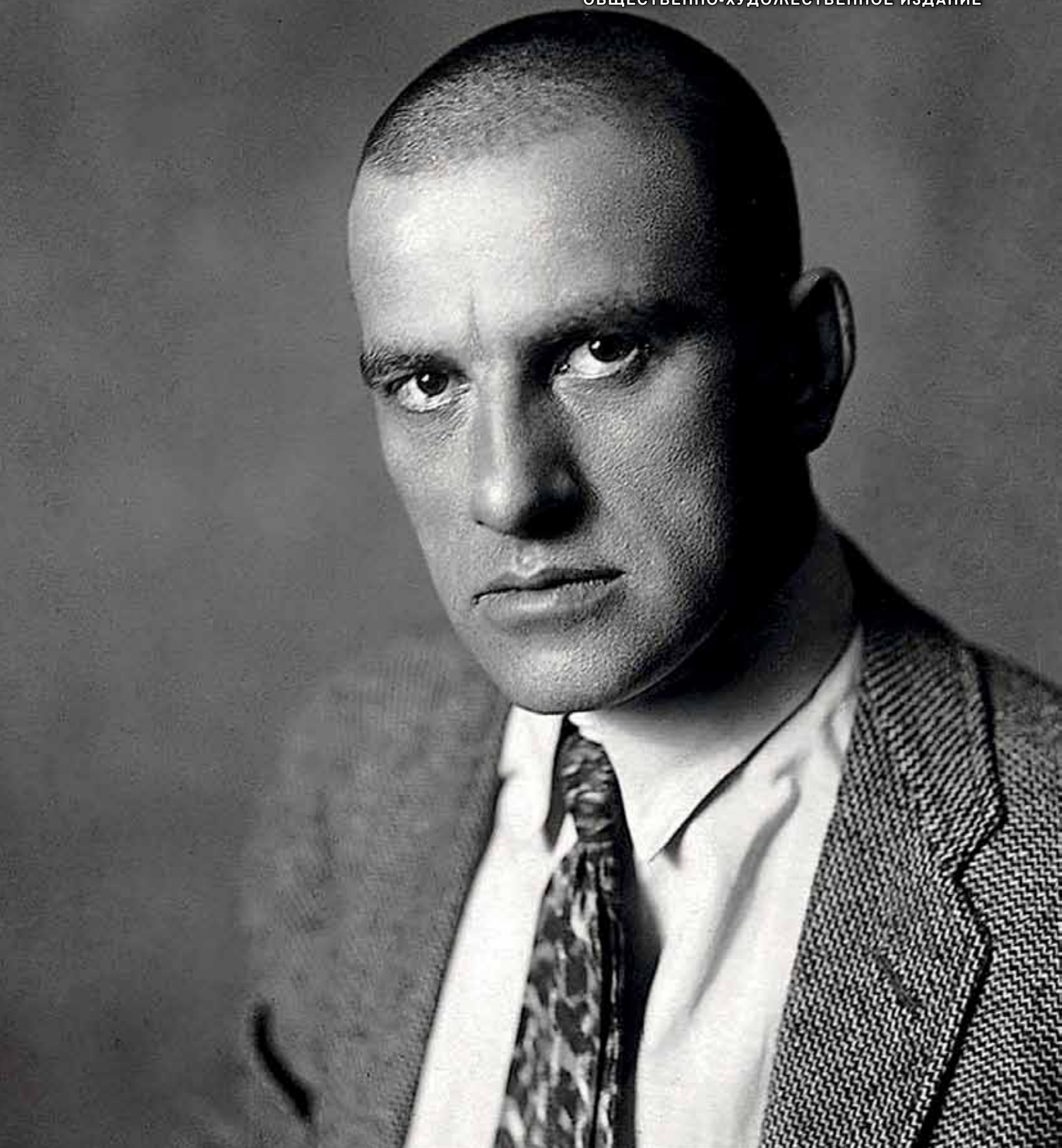

№7
Июль 2013

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Diazza
Boutique Hotel Batumi

Piazza Batumi

18 июля 2013

В рамках VI Международного
русско-грузинского
поэтического фестиваля
«Во весь голос»

Концерт Мананы Менабде «Сны о Грузии»

посвящается
сестрам Ишхнели

Начало концерта в 22⁰⁰
Вход свободный

Бронирование столиков по номеру телефона:

+995 592 31 00 66, +995 568 77 24 68

www.piazza.ge / info@piazza.ge

www.facebook.com/BatumiPiazza

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДZE
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДZE
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДZE
Гига ЛОРДКИПАНИДZE
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДZE
Гулбат ТОРАДZE
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДZE

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7⁽⁹³⁾
Июль 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПРОГРАММА VI МЕЖДУНАРОДНОГО
РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ
«ВО ВЕСЬ ГОЛОС»
- 8 «ХРАМЫ БОЛЬШЕ И КРАСИВЕЕ ПРЕЖНИХ...»
АЛЕКСАНДР РУДЕНКО-ДЕСНЯК
- 12 ДОЧЬ ПОЭТА
НАНА ГОНГАДZE
- 16 ГОСТЬ СЛУЧАЙНЫЙ
РАВИЛЬ БУХАРАЕВ
- 20 Я СКАЗАЛ ЛЮБЯ
- 22 ПОД ТИХОЙ ЗВЕЗДОЮ ПРОЩЕНИЯ...
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА
- 24 ПУСТЬ ГОВОРЯТ ТЕЛО И ДУША
АННА БЕЛОВА
- 25 ПРАЗДНИК РУССКОГО СЛОВА
- 26 БОЙ У СЕТКИ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 30 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 36 ВЫХОЖУ НА СЦЕНУ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 40 ВЫБРАЛ МУЗЫКУ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 43 СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 46 ЗАМУЖЕМ ЗА ТЕАТРОМ
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 50 ИЛЬЯ ДАДАШИДZE. СТИХОТВОРЕНИЯ
- 52 УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 54 НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ ГРУЗИИ

На обложке – Владимир МАЯКОВСКИЙ

от ДО

ВЕЧНО МОДНЫЙ

В искусстве встречаются некоторые художники, воспринимающие мир необычайно драматично. К примеру, у великого японского кинорежиссера Акиро Куросавы если идет дождь – то это всегда ливень, если тепло – то это свирепая жара, если ветер – то непременно ураган. Эта несколько преувеличенная чувствительность восприятия делает таких людей незащищенными и очень отделяет их от других. А был такой писатель, для которого в палитре не существовало светлых тонов. И жизнь для него была – тюрьма, осень – промозглой, лето – жарким и душным, зима – суровой и морозной. Его звали Франц Кафка.

Он родился в Праге, в еврейской семье, но не знал идиша. Дома говорили по-немецки, на улице – по-чешски, а сам он выучил еще и французский и немного – русский, чтобы читать Достоевского. Несмотря на то, что семья жила зажиточно, Франц чувствовал себя глубоко несчастным. Возможно, это было связано с характером его деспотичного отца, средней руки галантерейщика. Фамилия Кафка в переводе с чешского означает «галка». Галку любил изображать на своих конвертах и почтовой бумаге его отец. Но галка сына была не гордым логотипом торговой фирмы, а маленьким мокрым комочком на проводах. Такой бесприютной птицей себя ощущал один из самых выдающихся германоязычных писателей 20 века.

Окончив гимназию и факультет

права Карлова университета, Кафка оторвался от семьи, начав жить самостоятельно и очень бедно. В его одинокой жизни была только горстка друзей. Женат он не был никогда, хотя дважды обручался, сам разрывая помолвки. Из-за его замкнутого образа жизни практически не осталось свидетельств того, как он писал, как его посещало вдохновение, и какие события или встречи влияли на образы из его произведений. За жизнь он опубликовал лишь несколько рассказов, но даже по ним современники смогли увидеть всю силу его дарования. Хотя и испугались эмоциональности, парадоксальности и мрачного сюрреалистического мира произведений, вышедших из-под пера писателя.

Он рано умер, завещав своему другу и душеприказчику Макс Броду и своей возлюбленной Доре Димант уничтожить все написанное им. Дора послушно сожгла, а вот Брод нарушил волю умершего – у него просто не поднялась рука на эти шедевры. Так мы стали обладателями литературных сокровищ, которые не только не выходят из моды, а год от года становятся выдержаннее и крепче, как хороший коньяк.

СУДЬБА КОМАНДОРА

Первая четверть 20 века в России была поразительным периодом: три революции, Русско-японская, Гражданская и Мировая войны, предвоенный промышленный рост и ужасающая разруха. И при всем этом – Серебряный век литературы и поэзии. В истории страны возникло не два и не три, а несколько десятков поэтов и писателей. И на фоне этой великолепной плеяды высится несколько бесспорных гениев. Один из них, конечно же, Владимир Маяковский.

Он родился 120 лет назад 19 июля в грузинском селе Багдади Кутаисской губернии, в семье лесничего. Грузинский язык Владимир знал в совершенстве и поступил в гимназию в Кутаиси, где формально был не первым учеником, но одним из самых способных. Когда умер его отец, уколотившись канцелярской скрепкой, семья переехала в Москву. Кстати,

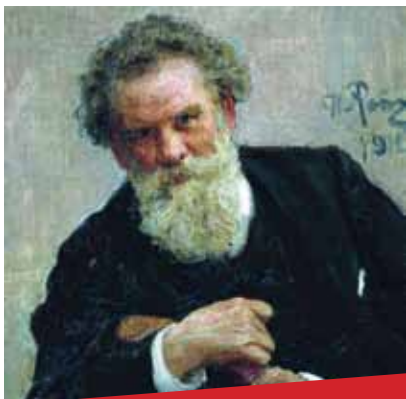
из-за этой смерти Маяковский на всю жизнь остался бактериофобом – всегда носил в кармане мыльницу и мыл руки при каждом случае.

В Москве Владимиру понравилась. Понравилась свободные разговоры между преподавателями и гимназистами, активная культурная жизнь и походы в спектакль, воздух, пронизанный электричеством недавней революции. Пятнадцатилетним мальчишкой Маяковский охулся в революционную романтику, за что несколько раз был арестован. В одиночной бутырской камере за одиннадцать месяцев он от скуки исписал целую тетрадку юношескими стихами. Сам он радовался, что эту тетрадку изъяли надзиратели, но именно с нее отмерял свой литературный стаж. А потом наступило время, которое бы назвали сейчас «модной тусовкой». Владимир, талантливый и в рисовании, легко поступил в училище ваяния и зодчества, куда принимали даже «неблагонадежных». Там он познакомился с Давидом Бурлюком и вступил в Общество Футуристов. Так началось время «Желтой блузы». Сейчас, наверное, молодые футуристы тех времен напоминали бы панков. Они тоже носили немислимые прически, рисовали цветы на щеках и закалывали длинные волосы морковками. Немудрено, что первые свои стихи Маяковский опубликовал в сборнике «Пощечина общественному вкусу».

А потом в его жизни появилась Лиля Брик. И оставалась до самого драматичного конца. Ей посвящена поэма «Облако в штанах», и многие другие стихотворения предреволюционного периода. А революцию Маяковский встретил восторженно, и с 1918 года, вместе с друзьями – Бриками, Асеевым и другими – окончательно принял большевистскую позицию и остался верен ей до конца. Судьба поэта оказалась на редкость драматичной – в двадцать с небольшим, будучи признанным гением, он оказался отвергнутым многими своими собратьями. Анна Ахматова как-то говорила, сравнивая Маяковского с Велимиром Хлебниковым, что до революции один был гением, а другой посредственным поэтом, а после революции наоборот. И как его только не называли – «шутом у трона революции», «певцом разнузданной матросни». И говорили про его творчество «нигде кроме, как в первом томе», пародируя его же рекламный слоган для Окон РОСТА...

Жизнь и творчество поэта разделились на пять этапов – представителя авангардной богемы, революционного трибуна и Командора, популярного драматурга и кино-сценариста и разочаровавшегося, критикуемого всеми человека. Со

смертью его жизненные несчастья не закончились – советская власть превратила его в бронзовый памятник идеального певца режима. К счастью, это не уничтожило Маяковского как великого русского поэта. Он вновь возвращается в нашу литературу и занимает в ней одно из самых почетных мест.

СОВЕСТЬ НАРОДА

160 лет назад родился выдающийся русский писатель Владимир Галактионович Короленко, которого во все времена и при всех режимах называли «совестью народа». Всю свою жизнь он защищал обиженных и угнетенных. За свои критические взгляды он неоднократно подвергался и репрессиям со стороны царского правительства, и недовольству новой власти.

Родился он на Украине, в Житомире. О своем детстве и строгом, но справедливом отце – уездном судье – он рассказал в знаменитом рассказе «В дурном обществе». После гимназии отправился учиться в Петербург, где почти сразу примкнул к революционному народническому движению, но был исключен, сослан сначала в Кронштадт, затем в Глазов, а после в Сибирь. И везде ему мешал непокорный нрав, бесконечное отстаивание прав перед властями всех уровней. Из Сибири он вернулся обветренным, закаленным, необычайно стойким человеком с богатым жизненным опытом. Это сразу привлекло к нему читателей. Прекрасное знание людей делало его рассказы достоверными, настоящими, в них не было литературного лака. А сам он стал защищать всех, кто обращался к нему. Он отстаивал их права в судах, газетах и журналах, не стеснялся лично обивать пороги высокого начальства, которое нередко его побаивалось. И он быстро превратился в нравственный авторитет. За литературные заслуги Короленко, как и Льва Толстого, в 1900-м избрали академиком словесности. Но эти почетные лавры он с себя сложил сам – разумеется, в знак протеста. Протеста против отмены избрания М. Горького. Он выступал

против репрессий правительства в отношении украинских крестьян, разоблачал голод 1891-1892 годов, реакционную политику правительства после подавления революции 1905 года. Выступал против антисемитов и черносотенцев, сфальсифицировавших «Дело Бейлиса». После революции 1917 года Короленко открыто осудил методы большевиков и дальнейший чекистский произвол. Но большевики не рискнули трогать столь уважаемого и авторитетного человека. Наверное, в глубине души все те, кто его поносил, любили его творчество. Ведь они выросли на его «Детях подземелья» и «Слепому музыканте». Последние годы он прожил в Полтаве – скромно, достойно и очень независимо, хотя от бедности ему даже пришлось выучиться сапожному делу, чтоб самостоятельно отремонтировать себе башмаки. Такие выдающиеся правдолюбцы бывали в истории России. Но Владимир Галактионович занимает среди них особое место, потому что даже известного правозащитника академика Андрея Сахарова называли «Короленко наших дней».

АГЕНТ - НЕЛЕГАЛ

Как шутили московские остроловы по поводу полковника Абеля, тяжела и неказиста жизнь агента-нелегала. 10 февраля 1962 года на берлинском мосту Глиникебрюкен произошел обмен американского летчика-шпиона Пауэрса на советского разведчика Рудольфа Ивановича Абеля. Ранним утром с двух сторон этого пограничного моста между двумя Германиями подъехало по три машины, из которых вышли на промозглый сырой воздух две группы людей. А потом по команде с двух разных концов к середине моста медленно, сверля друг друга взглядом, пошли друг другу два «засыпавшихся» шпиона. Как вспоминал потом Рудольф Иванович, он смотрел в лицо приближающемуся человеку и понимал, что тот – олицетворение цены, которую платит государство за его свободу, и они равны в этой цене. Но Абель ошибался.

Гарри Пауэрс был просто очень

смелым пилотом, который ввязался в авантюру и принял участие в разведывательных полетах над территорией Советского Союза, где его сбили. А вот полковник Абель был человеком совсем другого уровня – одним из самых выдающихся нелегалов в истории мировой разведки. И сейчас, спустя полвека, мы до конца не знаем всего, чем он занимался.

Он не был Абелем, да и звали его не Рудольф Иванович. Это был Вильям Генрихович Фишер, сын обрусевшего немца-марксиста, который за революционную деятельность был выслан из России в 1901 году. Назвали его в честь Шекспира, так как родился он в Англии, где и прожил первые 18 лет. После гражданской войны семья вернулась на родину, где молодой человек, свободно владевший, помимо русского и английского, еще и немецким, оказался в разведке молодой советской республики. Чем он занимался там в первые годы своей работы, куда совершал свои вояжи, до сих пор известно только по слухам и легендам. Известно и то, где и в чьем мундире он встретил Великую Отечественную войну. Известный советский разведчик Молодой, по легенде, видел его в форме абверовского офицера. А кто-то говорил, что он служил шифровальщиком при немецком Генеральном штабе. Советские официальные источники говорят, что войну он провел переводчиком в Москве и принимал участие в радиоиграх – передавал дезинформацию противнику через пойманных шпионов. Но в истории разведки всегда немало «тайн мадридского двора». Нам известно, что он делал, когда был резидентом-нелегалом в США и шпионил за атомными секретами. Да и то известно лишь потому, что его арестовало ФБР, и он был осужден на многолетний срок. Абелем он назвался при аресте, чтобы скрыть свою настоящую фамилию – так звали его ближайшего друга и соседа по даче. И когда в США появилось сообщение о том, что арестован русский полковник Абель, Центр сразу понял, о ком идет речь. Конечно, в его не обошлось без предательства – столь выдающиеся разведчики просто так не попадают. Просто прислали из Центра неудачного связника. Родина не забыла Абеля – его вернули домой, семье, а далее он писал мемуары, занимался преподавательской деятельностью, рисовал свои картины. Но быстро угас – скупал без работы... Об этом незаурядном человеке снято несколько фильмов, написано несколько книг, а его противник в тайной войне – директор ЦРУ Аллен Даллес – сказал: «Эх, мне бы парочку таких в Москве. Но такие рождаются только поодиночке».

Роб АВАДЯЕВ

ПРОГРАММА
VI МЕЖДУНАРОДНОГО
РУССКО-ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ
«ВО ВЕСЬ ГОЛОС»
13 июля – 22 июля 2013 г.

13 ИЮЛЯ, суббота

Прибытие участников фестиваля.
Размещение в гостинице «Holiday Inn».

14 ИЮЛЯ, воскресенье

К 85-летию со дня рождения Нодара Думбадзе
10.00 Пантеон писателей и общественных деятелей Грузии.

Возложение цветов к могиле Нодара Думбадзе.

12.30-15.30 Институт грузинской литературы им. Шота Руставели.

Научно-практическая конференция «Иверский свет. Русско-грузинские поэтические связи XX века».

Ведущие – директор Института грузинской литературы им. Шота Руставели Ирма Ратиани (Грузия) и главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин (Россия).

Презентация сборника профессора Наталии Орловской «Очерки по вопросам литературных связей».

17.00 Экскурсия по Тбилиси.

17.00 Малый зал театра им. А.С. Грибоедова.

Показ художественного фильма «Я, бабушка, Илико и Илларион» по одноименному роману Нодара Думбадзе («Грузия-фильм», 1963 г. Режиссер – Тенгиз Абуладзе). Вступительное слово Кетеван Думбадзе, дочери писателя.

18.00 Пресс-конференция участников фестиваля в Тбилисском международном пресс-центре РИА-Новости.

19.00 Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова.

Фойе Большого зала. Выставка-конкурс детского рисунка «Я вижу солнце», посвященная 85-летию со дня рождения Нодара Думбадзе. Награждение победителей и лауреатов конкурса.

Большой зал. Торжественная церемония открытия фестиваля.

21.30 Мцхета. Прием от имени АО «Сараджишвили».

15 ИЮЛЯ, понедельник

13.00 Аудиенция у Католикос-Патриарха всея Грузии, Архиепископа Мцхетского и Тбилисского, Митрополита Пицундского и Сухумо-Абхазского, Святейшего и Блаженнейшего Илии Второго.

15.00-21.00 Поэтические встречи:

Ахалкалаки.

Гори.

Марнеули.

Рустави.

Тбилиси:

17.00 Еврейский культурно-образовательный фонд. Творческая встреча с Давидом Маркишем (Израиль).

17.00 Большой зал Национальной парламентской библиотеки Грузии им. И.Чавчавадзе. «Еще горит судьбы свеча». Творческая встреча с Валентиной Поликаниной (совместно с Союзом белорусских соотечественников в Грузии «Сябры»).

18.00 Дом писателей.

19.30 Фестиваль-ресторация «Диван».

Презентация сборника стихов «В пути» - совместного проекта литературного объединения «Молот О.К.» и шведского общества «Встреча/Vstrecha». Презентация фестивального выпуска газеты ЛИТО «Молот О.К.» Ведущая – Римма Маркова (Швеция). Мастер-класс Елены Исаевой для участников литературного объединения «Молот О.К.»

22.00 Прием от имени компании «Киндзмараули марани».

Поти:

19.00 Потийский государственный драматический театр им. В.Гуния. К 65-летию первого выступления Александра Вертинского в Грузии.

Спектакль Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова «Желтый ангел».

16 ИЮЛЯ, вторник

Отъезд в Батуми.

19.15. Батумский бульвар. Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкина.

20.00 «Праздник поэзии» в Батумском Центре культуры и искусства.

22.00 Торжественный ужин в ресторане «Марсель».

17 ИЮЛЯ, среда

К 85-летию со дня рождения Нодара Думбадзе
 10.00 Отъезд в Гурию – на родину Нодара Думбадзе.
 11.30 Чохатаури.
 Возложение цветов к памятнику Нодара Думбадзе. Посещение Дома-музея Н.Думбадзе в селе Хидистави. Поэтический праздник «Я вижу солнце». Презентация русско-грузинского сборника стихов Н.Думбадзе для детей «Добрые стихи».
 22.00 Кафе-ресторан «Fanfan». Вечер памяти Равиля Бухараева. Ведущие – Лидия Григорьева (Великобритания) и Александр Радашкевич (Франция).

18 ИЮЛЯ, четверг

15.00-21.00 Поэтические встречи:
 Поти.
 Хелвачаури.
 Кеда.
 Кобулет.
 Шуахеви.
 Мартвили.
 22.00 Батуми. Площадь Пьяцца.
 Концерт Мананы Менабде «Сны о Грузии». Сестрам Ишхнели посвящается».

19 ИЮЛЯ, пятница

К 120-летию со дня рождения Владимира Маяковского
 09.00 Отъезд в Багдади.
 11.00 Дом-музей Владимира Маяковского в Багдади.
 Праздник поэзии «Я в долгу перед вами, багдадские небеса». Презентация сборника лирики Владимира Маяковского «Навек любовью ранен».
 Возложение цветов к памятнику В.В. Маяковского в Багдади.
 Багдади. Культурный центр.
 Презентация документального фильма «Дочь поэта» (режиссер Н.Гонгадзе, США).
 Показ художественного фильма 1918 года «Барышня и хулиган» с участием В.Маяковского (режиссер Е.Славинский).
 16.00 Кутаиси.
 Посещение храма Баграта – памятника архитектуры XI

века.

Возложение цветов к памятнику В.Маяковского.
 16.00 Тбилиси. Культурный центр Епархии армянской апостольской православной церкви в Грузии «Айартун».
 Презентация сборника заслуженного журналиста Грузии Арсена Еремяна «Позови меня как сына».
 19.00 Кутаисский государственный драматический театр им. Ладо Месхишвили.
 Премьера спектакля Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова «Облако в штанах».

20 ИЮЛЯ, суббота

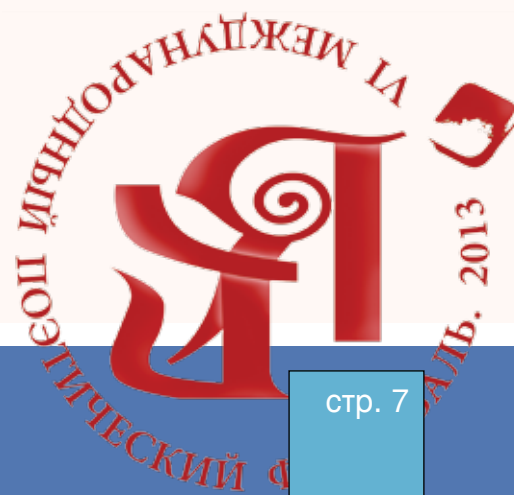
12.00 Конференц-зал гостиницы «Алик».
 Круглый стол по вопросам литературного перевода.
 Презентация сборника переводов «Перекрестки».
 Ведущие – Шота Иаташвили (Грузия) и Бахыт Кенжеев (Канада).
 18.00 Кинотеатр «Аполло».
 Творческая встреча с Дато Турашвили. Презентация книги «В ожидании Додо».
 Показ фильма «Любовь с акцентом» (авторы сценария Д.Турашвили, А.Хмельницкая, режиссер Р.Гигинеишвили).
 22.00 Батумский Центр культуры и искусства. Концерт «Джазовые трансформации» с участием Андрея Макаревича.

21 ИЮЛЯ, воскресенье

10.00 Отъезд в Зугдиди.
 Посещение Дворца князей Дадияни.

22 ИЮЛЯ, понедельник

Отъезд.

«ХРАМЫ БОЛЬШЕ И КРАСИВЕЕ ПРЕЖНИХ...»

Бачана Рамишвили родился 14 июля. Эта дата была отмечена во всех календарях мира, но, разумеется, не как день рождения Бачаны, а как день падения Бастилии, день рождения Французской республики.

Нодар Думбадзе. «Закон вечности»

— ... Ты спрашивал об автобиографичности романа. Да, я родился 14 июля, как Бачана Рамишвили, и инфаркт перенес, как он, и журналистикой, подобно ему, занимался, только он — редактор республиканской газеты, а я был редактором сатирического грузинского журнала «Нианги».

Редакторство — это такое дело... Я первое время сидел в кабинете главного редактора и все ждал — сейчас откроется дверь, войдут люди и... скажут: «А это кто такой? Ну-ка, освободите место...» (Смеется)

Писателю легче работать с материалом, который он хорошо знает, — это аксиома. Но материал сам по себе — еще далеко не все. Это тоже аксиома. Над «Законом вечности» думал, наверное, лет восемь. Написал за год, даже чуть меньше...

Когда роман вышел, отзывы на него в печати были хорошие. А за кулисами, знаешь, шли всякие разговоры. Вот, мол, Думбадзе пишет о слишком современных вещах, еще не апробированных, и стиль у него изменился, и мифологии слишком много. А что касается автобиографичности, то она вообще обременяет роман... Но я на такие разговоры внимания не обращаю. О моей биографии знает горстка людей. Не для них же пишется литература.

Другое беспокоит: иногда даже критики прямо-таки

сваливают на меня как на автора высказывания героев. Как говорит Думбадзе в своем произведении... Это может очень далеко завести. А я стараюсь не давать повода для всяких двусмысленных толкований текста, стараюсь, чтобы позиция автора была видна хорошо, я бы сказал, отдельно от всего остального. Как в миллиарде знаешь, есть главный шар, которым разбивают остальные. Где ни поставь, он везде виден...

По-моему, в «Законе вечности» авторская позиция все время дает о себе знать.

А вот еще реакции на роман.

После «Закона вечности» получил много писем. Даже телеграмму — лучший роман в грузинской прозе (смеется). А потом был телеспектакль по роману. И снова пошли письма. Знаешь, что я понял? Что многие роман не читали, знали о нем по рассказам, а теперь знакомство состоялось благодаря телевидению. Бывает, бывает... Я даже среди своих друзей обнаруживал, что о моих вещах судят или по кино, или по инсценировке. Ну, может, не так и часто.

Реакция читающей публики — дело тонкое. Появится в газете заметка, что какую-то книгу перевели в Японии, или в Эфиопии, или еще где-нибудь за морями-океанами, — и публика с ума сходит. Но это все — внешнее. А главный для меня человек — читатель, который

постоянно следит за моим творчеством. Вот он все поймет правильно...

– Ты коснулся, хотя и вскользь, очень важного вопроса. «Закон вечности» интересуется тем, что складывается, формируется в жизни...

– Да, Бачана стремится сам активно перестраивать жизнь.

– И при этом непрерывно отстаивает – и мысленно, и на деле – высокие нравственные истины, всегда руководствуется ими. И при этом он все время выше житейских проблем, если иметь в виду его собственное скромное житейское бытие. Действительно, идеальный

Человека, который борется с этой болезнью, не боится лезть в грязь и мусор. Чтобы читатель видел, переживал, может, чувствовал стыд. И чтобы очищение шло – вот в чем суть...

Когда-то в «Нианги» мы печатали фотографии грузин, торгующих в Москве цветами. Или такая была картинка: стоит красавец мальчик, какой-то старухе продает груши по пятерке килограмм... На некоторых это действовало. По отношению к другим приходилось государству принимать и более жесткие меры.

То, что происходит в республике после известных партийных постановлений по Грузии, – это процесс дол-

▲ Нодар Думбадзе – студент

▲ В аудитории на лекции

герой...

– Э, нет! Это в прозе сороковых годов были идеальные, безупречные герои. А Бачана совершает много ошибок.

– Что из этого? При всех его ошибках и небыстроте Бачана написан как борец, человек высоких идеалов и безусловный нравственный пример. Здесь, кстати, сказалась романтическая традиция грузинской прозы?

– Пожалуй.

– А справедливо сказать, что появление такого героя, таких литературных героев – это своеобразная реакция литературы на торгашество и меркантилизм, заявившие о себе в реальности, это желание напомнить о лучших чертах национального характера?

– С такими уточнениями, согласен, Бачану можно причислить к идеальным героям. Ну, а во что обошлась ему его идеальность?! Каких драм стоила? Инфаркт ведь не шутка...

Я и такие письма получал: «Как вы смеете о своей нации писать такое?» Или сочувствие: «А вы не боитесь за себя?» Бояться не боюсь, с оружием не хожу. Но...

Есть такая своеобразная национальная стыдливость: не выносить сор из своей избы. Я всегда таким стыдливым говорю: больной, который скрывает свою болезнь от врача, может умереть. Это элементарно. И не всегда врач спрашивает у больного, надо, скажем, делать операцию или нет... Говорю, конечно, о крайнем случае.

...Да, наверное, так и есть. Когда у нации появляется какая-то болезнь, какой-то антинравственный вирус, писатель и старается показывать идеального героя,

гий и сложный. Я только хотел подчеркнуть, что Бачана – из самой жизненной гущи. И часто имеет дело с грязью.

– Но она к нему как будто не пристаёт. Как будто вообще нет быта...

– Э, здесь применяется чаплинский метод: не удивляйся, сейчас поясню.

Чаплина помнишь? Хоть и в дырявых, но в перчатках, хоть и рваные цилиндр и фрак, но зато цилиндр и фрак. Шикарный портсигар. А в нем – окурки. У Чарли дома три с половиной тарелки и полторы вилки, а он брюки гладит... Через детали – поразительное внутреннее состояние. Тут не теряется никогда рыцарский дух.

Рыцарский дух! А брюки могут быть одни. Взять хотя бы, как Бачана и другие верийские ребята относятся к сумасшедшей девочке Марго. Без рыцарства, каким бы ни выглядел быт, Бачану не понять.

– Одно рыцарство тоже объяснит мало. Прекрасно, когда человек, особенно молодой и не лишенный элегантности, может проявить великодушие. Одарить кого-то добром. Бачане по отношению к Марго сделать это не так уж трудно – весь квартал единодушен в нежном отношении к больной девушке. Вот если приходится вести бой за добро, тут уж не воспаришь на своем прекраснородушии...

– Конечно, случай более трудный. И не потому, что нужно очень много душевных сил. Труднее найти точные цели, найти сам способ борьбы...

– Мы, кажется, подбираемся к самой сути. Бачана – безусловно добрый, безусловно гуманный человек. До каких пределов? И до каких пределов он имеет право на доброту, на добро для других? Есть ли такие преде-

▲ С Григорием Баклановым

лы вообще?

– Я ведь говорил, что Бачане свойственно ошибаться. И притом серьезно. Правда, и платит он за свои ошибки сполна.

Позволил же Бачана, чтобы обезьяна не только стала печататься, не только проникла в ряды профессиональных литераторов, но и заняла видное положение в обществе. Только когда это млекопитающее донесло на самого Бачану, он принял меры... В чем для меня суть этой аллегии? Бачана сам, своими руками воспитал обезьяну, позволил ей затеряться среди людей, стать внешне неотличимой от них. А ведь Рамишвили – не частное лицо, он в известной степени олицетворяет нашу общественную идеологию. Почему же такая терпимость?

Немного – из другой оперы. Ты не замечал, что в нас порой просыпается чувство справедливости только тогда, когда трогают нас самих? Вспоминаю свои «войны» в «Нианги». Тогда много ко мне ходило всякого народа. Приходит однажды возбужденный человек: «Я – бухгалтер хлебного завода, там такое творится, такие взятки...» И пошел рассказывать. Я кое-как вклинился: «А сейчас где работаете?» – «Сняли!» С тем же пафосом. Пока не сняли все было в порядке...

Может, это общечеловеческое свойство? Но иногда оно, как в случае с моим героем и превращенной обезьяной, приносит огромный вред. Беспредельная терпимость конечно же опасна. Обезьян, то есть существ без нравственности, еще хватает. Они занимают должности, обзаводятся семьями и даже передают свои скрытые признаки по наследству. Почему обезьяна не может стать литератором или профессором? Бачане сразу же надо было пресечь обезьяньи попытки выбиться в люди.

Когда ты предупреждаешь, что перед людьми – выродок, доносчик, подлец – то есть, по роману, обезьяна, – это и есть нормальное проявление гуманизма.

– Но почему именно такая аллегория?

– Ну, это более веселая история. Во время уно у нас почему-то началась борьба с заборами из цветных металлов. В Тбилиси за дело принялись с большим

темпераментом. Для почина снесли забор в зоопарке. Не знаю, почему именно в зоопарке... Удрал тигр, его, к счастью, скоро поймали, но страх был. Тогда пошел анекдот – по-моему, я его сам сочинил – о сбежавших из зоопарка обезьянах. Их ищут, и милиция беспокоится, что найти беглецов не удастся: смешаются с людьми и их не отличишь. Да в романе же есть этот анекдот!

– Древу литературы, похоже, не противопоставлена никакая почва... Однако вот что интересно. Ты описываешь, как главный редактор газеты приходит на работу, как принимает посетителей, о чем говорит с ними, – все здесь легко узнаваемо и реально. И вдруг – аллегория, фантастика, гротеск, одушевление четвероногого?

– Как объяснить... Полусказка-полубыль. Когда один человек делает другому мерзость, становится больно за людей. Поневоле их некоторые качества переношишь на другие существа, вне человеческого круга.

– В том же рабочем кабинете Бачаны появляется и гуманоид в облике обычного тбилисского жителя...

– Знаешь, гуманоид, в сущности, говорит о том же, о чем разговаривают Бачана с Христом в минуты видений бредящего Бачаны, – о гуманистических ценностях. Гуманоид утверждает, что это инопланетяне приходили

▲ С Беллой Ахмадулиной

на помощь людям в критические моменты – во время потопа, например. Мне хотелось сказать, что подлинно гуманистические идеи, откуда бы они ни исходили, носят общечеловеческий характер.

– Перед тобой лежит сейчас «Закон вечности», изданный по-французски. На супере – Бачана и отец Иорам сидят рядышком... Картинка идиллическая.

– Оформление книжки как-то забыли со мной согласовать.

Общность Бачаны и отца Иорама совсем не безграична. Спорят они непрерывно. Но точки духовного соприкосновения между Бачаной и священником существуют, существуют объективно. Мы же не отрицаем фундаментальных нравственных и духовных ценностей, выработанных человечеством за многие века его истории.

Даже у Северного и Южного полюсов находится общее. Что? Хотя бы температура – ниже нуля.

Когда отец Иорам говорит, что из его оппонента-коммуниста вышел бы неплохой священнослужитель, а редактор газеты отвечает, что из этого священника полу-

▲ В кругу семьи

чился бы не худший парработник, они, конечно, шутят, но в этой шутке – и взаимное уважение, и признание каждым в своем собеседнике честности, бескорыстия и большой убежденности. А если без шуток? Проблемы нравственного совершенствования человека уже решены? И каждая честная попытка их решения не должна ли вызывать у нас уважение и признательность?

И давай не будем забывать: все предки Бачаны были христианами. Он является убежденным атеистом, но многие близкие ему понятия, образы, символы – из библейских сфер.

Я упоминал уже – меня, хоть и не впрямую, упрекали в том, что мой Бачана во время болезни видит такие сюжетные видения, беседует с Христом... А знаешь, кстати, что у этих видений абсолютно реальная основа?

– Да. Трудно быть реалистом...

– Эх!.. Видения возникают в сознании человека, с которым произошла клиническая смерть. Или что-то очень близкое... Я сам под наркозом, после инфаркта, видел интереснейшие вещи. Главное вот в чем: у видений, в отличие от сна, есть логика. Смотришь, как на экране, все четко и ясно.

Но меня меньше всего интересовала точность клинической картины. А вот мир библейской мифологии интересовал. Для меня, писателя, библия прежде всего – огромная литература.

Если бы Томас Манн не прочитал соответствующих строк Священного Писания, не было бы романа «Иосиф

и его братья» – одного из чудес двадцатого века. А у Маркеса? В романах Маркеса библейские притчи буквально рассыпаны по тексту... Ведь в основе любой из них – доля абсолютно реального опыта человека.

Человеческая природа меняется не очень быстро. В некоторых своих проявлениях она почти неизменна. Чаще задумываясь над изменяемым и неизменяемым в человеке, мы сможем лучше понять природу его поступков, в том числе и поступков отчетливо социальных.

Подлецы, скажем, существовали всегда. Шекспир не открыл их для широкой публики. Его Яго пришел из бесконечной глубины времен. И принадлежит всем временам. Гений сумел нечто повседневное и обычное превратить в факт искусства, – он точно выразил какую-то часть неизменного в человеке.

А вот форма проявления этого неизменного может разительно меняться. Особенно важно понять, как меняются традиционные маски отрицательных жизненных персонажей.

– Бачане поневоле приходится быть пронизательным...

– Ему иначе нельзя. Он ведь не сам по себе. Он должен защищать свое дело, свою идеологию, ту жизненную сторону, которая, по моему убеждению, олицетворяет лучшее в жизни. Воевать с человекоподобными – не в дарвиновском смысле слова – обезьянами трудно.

Апофеоз биографии Бачаны – вступление в партию. Он отказывается от привычных формул и говорит: вступаю, чтобы в партии было как можно больше честных людей. И голосует сам за себя. Ему не стыдно. Он голосует за великий принцип, за идею, для него бесконечно дорогую и нуждающуюся в его поддержке. Рамишвили ведет борьбу, при которой меч ни на секунду не может быть вложен в ножны...

Ответственность тяжела. Помнишь, в фильме: должны казнить короля Англии, а палач не решается. Кто ответит? Кромвель говорит: «Я!» Всегда в решающую минуту кому-то приходится брать на себя больше других. Решаться! Не самый удачный пример? Может быть... Но бывает, кому-то в жизни нужно быть и жестоким, так?

Впрочем, не будем отвлекаться.

У писателя могут возникнуть свои проблемы из-за того, что он принадлежит к малочисленной нации. Всегда возникает вопрос – кого и что он имел в виду? Если материал современный... Но и литературному герою не легче, чем его создателю. Бачана иногда просто вызывает у меня сочувствие: куда ни двинется – кругом если не родственники или родственники родственников, так и друзья и знакомые...

– Вы хоть и не двойники...

– Ни в коем случае!

– ...но люди явно не посторонние друг другу.

– Если откровенно – в этого героя вложено очень много моего. Личного. Не в смысле каких-то фактических совпадений – они на виду и для меня мало интересны. А вот то, о чем думалось... и в редакторском кабинете, и в больнице... Прожито уже что-то, прожито. Как сказать об этом?

Авторы всегда не очень объективны к тому, что выходит из-под их пера. Может, когда-нибудь я и стану относиться к Бачане более прохладно и беспристрастно. А пока это время еще не наступило. Да нет, вижу я – и то сделано не так, и другое... А вот – не наступило!

Александр РУДЕНКО-ДЕСНЯК

Из книги «Комментарий к счастливой судьбе: О творчестве Нодара Думбадзе», 1985 г.

ДОЧЬ ПОЭТА

В программу VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля в Тбилиси, приуроченного к 120-й годовщине со дня рождения Владимира Маяковского, включен и показ документальной ленты «Дочь поэта» грузинского журналиста Наны Гонгадзе.

Автору картины удалось заснять и смонтировать фильм, в основу которого легли воспоминания дочери поэта – американки Патриции Томпсон, проливающие свет на реальные события, происшедшие с Владимиром Маяковским в период его трехмесячного пребывания в США, в 1925 году. О ее существовании долгие годы даже не догадывались крупнейшие знатоки и наиболее страстные поклонники творчества Владимира Маяковского. Она появилась на свет в Нью-Йорке 15 июня 1926 года. Ее мать, Елизавета Петровна Зиберт, позднее Элли Джонс, была российской эмигранткой из башкирского селения Давлеканово. Тайну рождения дочери она хранила на протяжении 60 лет.

Американская дочь Владимира Маяковского живет в манхэттенском районе Вашингтон-Хайтс, в комплексе «Хадсон Вью Гарден». Дому лет семьдесят, это чуть меньше чем хозяйке. Снаружи он больше смахивает на средневековую крепость, из-за венчающего его крышу шпилья и облицовки из тяжелого серого камня. Патриция легко переносит одиночество в трехкомнатной квартире. Ее единственный сын Роджер с семьей поселился по соседству. Она живет на первом этаже, и, по ее мнению, это очень удобно: встречая гостей, она сама открывает им дверь. Достаточно одного взгляда, чтобы удостовериться в ее сходстве с великим родителем, Владимиром Маяковским. Те же большие, черные с блеском глаза, крупные резкие черты лица и гордая осанка. «Пожалуйста, зовите меня по-русски – Еленой Владимировной», - предлагает она.

На Патриции черные брюки, черная декольтированная блузка, дополненная кулоном из агата, прядь густых и длинных волос с сединой подхвачена кокетливым черно-белым бантом, длинные

серьги удачно гармонируют с ярко-красной губной помадой.

Вокруг все напоминает о Маяковском – знаменитый отец представлен множеством плакатов, фотографий, рисунков. «Трудно быть в тени гениального предка, но я тоже гениальна в своем роде», - замечает Патриция.

Ей нравится когда к ее фамилии добавляют титул «доктор», ведь она действительно доктор философии, автор 15 учебников для детей, консультант образовательных программ, профессор Нью-Йоркского университета.

«Я хотела всем доказать, что я не только дочь Маяковского, но и сама могу чего-то добиться в жизни. Хотя моя мать сыграла большую роль в моем воспитании, она день и ночь трудилась, стала ученой, исследователем, способствовала продвижению русской культуры в Америке, ее даже называли здесь русской принцессой, а мама только смеялась над этим...»

- Как ваша мать, девушка из далекого Приуралья, оказалась в Америке?

- В октябре 1917 года большевики отобрали у моего деда все имущество, семья была вынуждена спасаться бегством и поселилась в Канаде. Моя мать еще до революции нашла работу в Самаре, служила переводчицей в американской организации помощи голодающим, затем были Уфа, Москва, там она вышла замуж за английского экономиста Джорджа Джонса. Он увез ее сперва в Англию, потом в Америку. Спустя два года они разошлись. К моменту встречи с Маяковским мама не имела официального развода, так что Джордж Джонс поставил свое имя в моем свидетельстве о рождении, чтобы сделать меня законорожденной, за что я всегда была ему благодарна.

- Как известно, Маяковский приехал в Америку в июле 1925 года.

- Да, 27 июля, сразу после своего 32-летия. Мама говорила, что он был просто неотразим. Она вспоминала его как веселого человека, с которым легко и приятно общаться. Он не был в жизни таким серьезным, каким кажется на некоторых фотографиях. Мама часто прислала меня не винить его ни в чем. И я не виню.

- Где они встретились?

- В Нью-Йорке, на поэтической вечеринке. Мама пришла туда со своей приятельницей. Маяковский не говорил по-английски, поэтому и уделил больше внимания русскоговорящей девушке. Позже он пригласил к себе небольшую группу друзей, в том числе и маму. Рано утром предложил сходить всем вместе к Бруклинскому мосту. Целый день они провели вместе с мамой и, как она говорила, не расставались до его отъезда. Он сгорал от страсти, они гуляли, слушали джаз, обедали в русских ресторанах, тогда и появились его известные строчки:

*Нам смешны дозволенной зоны,
взвод мужей, остолбеней,
цинизмом поражен!
Мы целуем беззаконно! -
над Гудзоном
ваших длинноногих жен.*

Он придумал маме ласковые прозвища Лозочка, Елкам, Елнич. А так он был по натуре однолюб, каждый раз любил только одну женщину, но недолго... (смеется)

- Когда вы узнали, что вы дочь известного поэта Маяковского?

- Я точно не помню дату, в принципе все знали – и я, и мама, и мой отчим и два очень близких друга нашей семьи, но они вели себя очень осторожно, чтобы ничем не смутить нас, не поставить в неловкое положение. Перед смертью матери, в 1985 году, я попросила ее записать все воспоминания на пленке, совсем как

журналист задавала ей уйму вопросов, чтобы осмыслить и понять все, что произошло с ней во время встречи с Маяковским. Я до сих пор храню эти записи. Когда мамы не стало, я поняла, что пришло время оповестить общество о себе как о дочери Маяковского. Но прежде чем сделать это, решила сама достичь чего-то в жизни, но под своим именем, под именем Патриции Томпсон.

Она создала стройную систему семейной жизни, посвятила десятки трудов социальной тематике, вопросам семьи и быта. Она известна как «философ быта» и лидер теории гестианского феминизма.

- К своему удивлению позднее я обнаружила, что меня, как и Маяковского, интересовала идея формирования нового человека, его лучшее будущее, наши взгляды во многом сошлись. Оказалось, что я, совершенно неосознанно, шла по тому же пути. Речь не идет о поэзии, а о социальной справедливости.

- А что было потом, я имею в виду взаимоотношения матери и Маяковского?

- Ко времени его отъезда мама не была уверена, что зачала ребенка, но они договорились хранить молчание про их близость. Для этого было много причин. Мама не имела развода, хотя уже не жила со своим мужем-англичанином. Но все же нельзя было не считаться с общественным мнением. Последнюю ночь они провели вместе. Мама проводила его, но в порт, откуда отчаливал пароход, не пошла. Когда она вернулась домой, увидела, что вся ее постель устлана множеством фиалок. Маяковский потратил последние деньги на цветы. Да, это была действительно романтическая любовь, короткая, но и трагическая. Тогда даже думать об их дальнейшей совместной жизни было невозможно. Ведь мой дед был изгнан из России.

- Несколько слов о ваших предках, пожалуйста.

- Семья Зибертов и Нейфельдтов, со стороны бабушки, были приглашены из Германии в Россию императрицей Екатериной Великой для оказания помощи в освоении новых земель и строительстве фабрик. Дед матери был богатым землевладельцем. Отец матери, Питер Генри, родился в Украине, а мать в Крыму. Занимались производством зерна. Были христианами, менонитами, пользовались уважением за трудолюбие, честность. Владели поместьями, так что смогли дать детям приличное образование. Моя мама говорила на четырех языках, родным для нее был русский, она знала немецкий, французский, английский. Когда ей встретился Маяковский, она уже переводила стихи Рильке, Гете. Мама была хорошей собеседницей для Маяковского. Их влекло друг к другу не только физически, но и духовно.

- Имеется ли в вашей семье талант к написанию стихов и какое из произведений Маяковского ваше любимое?

- Мне очень нравится «Облако в штанах». Сказать, что кто-то унаследовал его талант, было бы неверно, но к 110-й годовщине отца я написала стихи и назвала их «Вот, я здесь». Мама рассказывала, что когда Маяковский явился к ней в Ницце, то у самого порога громко возвестил о своем появлении словами: «Вот, я здесь!»

- Маяковский поселился в Нью-Йорке на

▼ Элли Джонс с дочерью

севере Манхэттена, в Бронксе, в семье своего близкого друга Давида Бурлюка. Мама бывала у них?

- Да, он часто брал маму к Бурлюкам в Бронкс. Есть известная фотография, изображающая Элли Джонс на крыше жилого дома Бурлюка. Его жена тоже была родом из Башкирии, из Уфы, так что у нее было много общего с мамой. Бурлюк нарисовал замечательный портрет моей матери, я его бережно храню...

- Известно, что Маяковский хорошо говорил по-грузински, ваша мать что-нибудь говорила об этом?

- Одна трогательная история, рассказанная матерью, убеждает в том, как Маяковский гордился своей принадлежностью к Грузии. Оказывается, он порой останавливался на одной из улиц Нью-Йорка, скидывал руки и начинал громко голосить по-грузински. Проезжающие мимо такси останавливались, в те годы многие грузины работали таксистами, они собирались возле него, с интересом слушали, он был счастлив. Потом все шли в ресторан, грузинского тогда не было, шли в армянский. Что касается Грузии, думаю, на темперамент Маяковского в каком-то плане повлиял тот факт, что он рос в Грузии. Он часто бил себя по груди и восклицал: «Я грузинон рожден!» Я хорошо понимаю его, он был очень независимым, честным, искренним,

▲ Елена Владимировна

любящим человеком, даже нежным. Именно такие качества я нахожу во многих грузинах, с которыми общаюсь здесь. Тем не менее, меня очень огорчает факт переименования поселка Маяковский в старинное Багдади, где родился и вырос отец. Думаю, это была дань уважения к нему народа, страны, а сейчас его как бы предали. Сам Маяковский никогда не изменял Грузии, ему была очень дорога и близка эта страна, он сам походил на грузина.

- А что, вам тоже близок грузинский характер?

- Да. Когда я думаю, какая я независимая, прямолинейная, как не люблю ложь. Я понимаю, что любое общество испытывает временные трудности, тем не менее грузинский характер очень дружелюбный, открытый, в нем заложено много интеллектуальной потенции.

- Хотели бы побывать в Грузии?

- Я очень хотела бы поехать в Грузию. Я даже получила официальное приглашение от члена грузинского парламента господина Лордкипанидзе. Но в тот период я гостила в России и уже должна была вернуться обратно в Америку, домой. Так что, несмотря на мое желание съездить, поездка, к сожалению, пока не удалась...

- Есть ли в вашей семье что-нибудь из личных вещей Маяковского?

- Да, его рисунки, вернее шаржи. Оказывается, однажды родители поссорились и даже собирались расстаться, но Маяковский извинился и нарисовал, как мама мечет стрелы гнева в его беззащитную голову, а он раскаивается. На другом рисунке Маяковский изобразил себя возле дома под номером 71, в нем жила мама. У него широко расставлены ноги, руки, и он как бы кулаками защищает Элли от назойливых ухажеров, богатых олигархов в автомобилях. Мама тогда была так молода, ей только исполнилось 20 лет.

- Ваш отец назвал Нью-Йорк «городом Желтого Дьявола», вы согласны с его точкой зрения?

- За короткое время трудно понять этот город. Здесь действительно крутятся большие деньги, ведь он является всемирным финансовым центром. По мнению Маяковского, деньги делали исключительно капиталисты, а их он не любил.

Патриция очень гордится своим семейным архивом в 30 томов. Белые папки аккуратно хранятся в отдельной комнате, их на протяжении всей жизни кропотливо собирала ее мать, Елизавета Зиберт.

- А что в них находится?

- Абсолютно все, что она писала или получала, ее воспоминания, письма, документы, мама собирала их более полувека. Здесь имеется единственное письмо Маяковского, адресованное маме и датированное 26 октября 1928 года. Вот почитайте, пожалуйста: «Две милые, две родные Элли, я по вас уже соскучился, мечтаю приехать к вам еще хотя бы на неделю. Примите, обласкаете? Я жалею, что быстрота и случайность приезда не дала мне возможность раздуть себе щеки здоровьем, как вам бы нравилось. Надеюсь в Ницце вылосниться и предстать вам во всей улыбающейся красе. Целую вам все восемь лап. Ваш Вол.»

Когда мы встретились с отцом, мне было около трех лет. Мама рассказывала, что однажды я начала играть с его рукописями, за что она больно шлепнула меня. Маяковский очень расстроился и сказал, чтобы она никогда больше не била меня. Маму он называл большая Элли, меня маленькая Элли. Мое русское имя Елена, меня называли так в честь моей крестницы. Мою бабушку тоже звали Хелен.

- А вы помните русский?

- Я говорила по-русски, но моя мать постепенно отдала меня от русской среды. Когда мы встретили Маяковского в Ницце, я свободно общалась на русском, знала немецкий и французский. До пяти лет совсем не говорила на английском.

В уютной кухне оборудован угол для чтения, вместо стола встроена широченная деревянная доска, на ней, помимо самовара, матрешек, фотографий и сувениров из России, умещается множество английских газет и журналов.

- День начинается отсюда, читаю всю американскую прессу, отбираю только публикации, посвященные России и Грузии. Ем два раза, иногда заказываю ужин из китайского ресторана, люблю греческий мед. Спать ложусь рано, читаю, размышляю. Думать – это мое хобби.

Она по-прежнему наделена любознательностью и пытливым умом. В квартире круглые сутки горит свет, включен телевизор. Елена Владимировна объясняет это желанием быть в курсе всего происходящего в мире.

- Вы думаете, я люблю телевизор? Ошибаетесь, я

▲ С сыном Роджером

никогда не смотрю телепрограммы, я смотрю только новости, люблю быть информированной. Это чтобы не пропустить Всемирный потоп, я ведь своими глазами видела, как самолет с террористами влетел в здание Всемирного торгового центра 11 сентября! (Она указывает на одну из фотографий). А это мой хороший друг и помощник, москвич Николай Алексеевич Морев, именно он повез меня на родину матери, в Башкирию в 2002 году. Я видела дом деда, в нем разместились детский сад, меня там все очень радушно встречали.

- Какие чувства вы испытывали, впервые оказавшись в России?

- Я встала на колени и поцеловала русскую землю. Впервые я вернулась в свой дом. Пошла на Новодевичье кладбище, чтобы поклониться могилам моего отца, бабушки и тетушек. Вся семья Маяковских погребена там. Я преследовала еще одну цель – у меня был с собой привезенный из Америки прах матери. Я пришла на могилу Маяковского, взрыхла почву и поместила в ней часть ее праха, чтобы символично вернуть мать к тому, кого она любила всю жизнь.

- По-моему, тогда же вы увидели и Веронику Полонскую, возлюбленную Маяковского?

- Да, она оказалась на редкость красивой женщиной, даже в возрасте. Я поняла, почему отец любил ее. Я спросила госпожу Полонскую, почему в своей предсмертной записке Маяковский упомянул ее имя, а не наше с мамой. Она приложила руку к груди и сказала: «Он хотел защитить и меня и вас». Я поняла: конечно, Маяковский не мог упомянуть нас из соображений безопасности, и потом эта записка, написанная за два или три дня до его внезапной гибели, тоже довольно подозрительна. Я не считаю, что он покончил с собой. Я не верю в это. Кстати, многие не верят. Полонская подарила мне небольшой бюст Маяковского, где он с сигарой. Она также поведала, что отец всегда носил у груди подаренную мной авторучку, это стало для меня еще одним подтверждением, что я его дочь, а он мой отец. Помимо этого, в московском архиве, в записной книжке Маяковского я видела запись со словом «дочка». А вообще-то, мне достаточно только посмотреть на себя в зеркало (смеется).

- А как насчет таланта?

- Люди говорят, что у Маяковского был талант в каждом из десяти пальцев. Возможно, у меня способности только в пяти пальцах. Я, как и он, поступила в школу искусств в 17 лет, хотела быть художником, но этим невозможно прокормить себя, и пришлось выбрать другую профессию. Я стала изучать политиче-

скую науку и правосудие. Поступила в Колумбийский университет, на факультет международного права. Работала редактором в газете, в крупной издательской компании, потом сама стала автором.

- Я слышала, что вы написали книгу «Маяковский на Манхэттене». Думаю, из нее может получиться хороший фильм.

- Я хотела бы, чтобы моя книга послужила основой для балетного спектакля. Это очень эмоциональная история, языком музыки и хореографии можно было бы передать все переживания и чувства.

Нашу беседу прерывает звонок в дверь, в прихожей возникает фигура высокого мужчины лет сорока. Он застенчиво улыбается.

- Это мой сын, внук Маяковского, пришел, чтобы помочь разобраться с пишущей машинкой. Его зовут Роджер Шерман Томпсон, женат, адвокат по вопросам интеллектуальной собственности. Мы вместе ездили в Москву, и он пытался объяснить русским необходимость охраны интеллектуальной собственности, это сейчас очень важно. Я хотела усыновить ребенка в России, но из-за бюрократических проволочек это не удалось. Мы усыновили мальчика из Колумбии, его зовут Логан.

Три раза в неделю Елена Владимировна вызывает такси и едет в подразделение Нью-Йоркского университета, в Лемановский колледж, читать курс по аспектам женского образования.

- Знаете, в древнегреческой мифологии был такой период, когда люди поклонялись девственной богине очага и правильной домашней жизни и семьи, звали ее Гестия. Я подробно изучила Гестию и ее племянника Гермеса и пришла к выводу, что мы живем не в одной системе действий, а в двух. Первая – это родня, семья, круг близких, друзей, вторая – наша гражданственность, страна, политическое устройство. Обе эти системы уникальны и независимы. В ходе исследований мне удалось сформулировать теорию двойных систем. Политика всегда доминирует в обществе, но в моем понимании семья и круг друзей находятся на главном месте. Маяковский очень хотел иметь семью, но ее радостей не испытал. Я же, наоборот, хочу вкусить всю ее сладость.

С момента этой нашей встречи минуло более шести лет, я по-прежнему часто звоню и переписываюсь с Еленой Владимировной, мы вместе радуемся успехам ее внука Логана, который стал студентом колледжа и идет по стопам отца, собирается посвятить себя адвокатской карьере.

Она успела еще раз побывать в Москве в качестве почетного гостя международной конференции «Соотечественники – потомки выдающихся россиян», где удостоилась памятной медали. Мы также вместе переносим ее жизненные невзгоды и болезни. Недавно Елену Владимировну прооперировали, и ей предстоит еще одно хирургическое вмешательство. Приглашение на шестой русско-грузинский поэтический фестиваль в Грузии ее несказанно обрадовало.

- Мне уже 87 лет, возраст не помеха, я бы с удовольствием поехала в Грузию, в Багдади, на празднование 120-летия со дня рождения отца, это так замечательно! К сожалению, не могу послушаться врачей. Придется отложить поездку на год, думаю, доживу. Пожалуй-ста, передайте мою благодарность, пламенный привет и самые радужные пожелания всем участникам и гостям юбилейных торжеств, посвященных дню рождения моего отца. Я очень тронута вниманием «Русского клуба» в Грузии, за персональное приглашение. Спасибо за память, за любовь и душевную щедрость.

Нана ГОНГАДЗЕ
СЛЖА

▲ Равиль Бухараев

ГОСТЬ СЛУЧАЙНЫЙ

ОКОНЧАНИЕ

Горы цвели. Воздух был прозрачен и свеж, и дышалось легко, да вот на душе было тяжело и противно. То, что при всей этой изумительной красоте и равновесности мира среди нас не было сердечной гармонии родственного единства, тяготило меня, тем более, что я знал: не будь этой глупой, пусть даже и принципиальной, ссоры, мы бы смотрели на все, что открывалось нам, одинаково благодарными глазами и делились бы счастьем, как некогда – как всегда.

Но было – молчанье, тяжелое, как камень. В молчании этом мы и вошли в храм.

Ничего молитвенного не было тогда в моем человеческом существе. Наш спутник, и вновь назову его Картлос, уже поведал нам, что в седой древности на месте этого священнейшего из грузинских храмов стоял крест, воздвигнутый на месте языческого капища чуть ли не самую крестительницей Грузии святою великомученицей Ниной Каппадокийской аж в четвертом веке, около 330 года.

И что это говорило мне? Единственная Нина, о которой я тогда думал, была шестнадцатилетняя Нина Чавчавадзе, с которой так капризно и непостоянно

обходился тридцати-с чем-то-летний старик Грибоедов.

О Каппадокии я не знал вообще ничего и уж меньше всего думал, что мне придется однажды посетить эти священные пещеры первых христиан, в которых они скрывались от римских гонений. Я побывал в этих сотах подземного человеческого улья, уходящего извилистыми пробитыми в известняковых скалах коридорами все глубже и глубже в землю, тем глубже, чем выше в небеса устремлялся смиренный, но и непоколебимый дух их обитателей. Я увидел выдолбленную в скале пещерную церковь, где еще не было креста, и символом веры оставалась рыба, высеченная в камне богобоязненными, но такими крепкими руками.

Все это было еще впереди, и я не знал об этом, как не знал еще арабских надписей на скальных стенах гораздо более близкого по грузинской географии пещерного города, высеченного в горной круче над Курюю еще картлийскими язычниками и названного Уплис Цихе – Крепость Владыки. Все это стало явью потом, когда я уже в продутом ветром осеннем городе Гори, не умея понять, почему в моей жизни все стало так больно, стыдно и страшно, когда вокруг все было так

хорошо. Тогда в Гори подергивались багрянцем и пурпуром виноградные листья, и коренастые многолетние лозы обнажались и не имели стыда, поскольку честно исполнили свое ежегодное земное предназначение и верили в свое возрождение после зимней смерти.

Мы вошли в храм Джвари все вместе, но мне тотчас показалось, что остался совсем один. Дело в том, что как только я встал у каменного алтаря, подобного древнему жертвеннику, откуда-то из малых глубин храма всплыла, проявилась и стала различима музыка, в которой я тотчас и узнал древнее песнопенье, чьи слова я почти что уже и выучил после многих застолий в Тбилиси и Кахетии, а то и еще раньше, на казанской улице Овражной, где жили в своем сиротском студенчестве мои названные грузинские братья Алик и Дато.

«Шен хар венахи», - торжественно пел многоголосый хор, - «Ахлад аквавебули...»

«Ты – лоза истинная!» - так откликалось каждое поющее человеческое сердце на милосердие и щедрость, даровавшим ему родину, да еще такую, как Грузия, в песнопении этом смиренно сияющую прекрасной благодарностью Создателю. Чем же проняло меня тогда? Воспоминанием об улице Овражной, действительно пролежавшей по оврагу? О туманном дворике, куда мы выкатывались гурьбой после песенных и целомудренных своих пиров, освященных юношеской дружбой и верностью: лужи сверкали, и прерывистое отражение луны лежало в каждой, как большая серебристо-белая роза; мы обнимались и снова пели хором от счастья бытия, в котором не было места смерти, пели от счастья жизни, в которой не умирают.

«Шен хар венахи: ты – лоза истинная», - пели мы, празднуя торжество молодости и прекрасную бескрайность мира, полного надежд и упоения всяческой новизною. Церковный гимн, древний, как сама христианская Грузия, звучал на бедной казанской улице, патетически взмывая из оврага к звездам и созвездьям, что нечаянно открывались в сквозных прорывах ночных туч, всегда чреватых дождем и печалью. В счастье земного единения и веры в свою земную избранность и не ведали мы, что песнопенье это – древний ответ на вполне определенные слова того человека, кто некогда более всех нас был избран и возлюблен, того, кто сказал:

Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

Евангелие от Иоанна, 15:1-6

Едва различив звучанье знакомого гимна, я заплакал тогда у алтаря Джвари – нечаянными и откровенными слезами. Неслучайность почудилась мне в этом совпадении, и маленький храм Джвари навсегда запечатлелся в моей жизни.

5.

Не помню, что было потом – извинился ли я тотчас перед отцом? Наверное, нет. Душа моя была по молодости еще слишком строптивая, чтобы завершить этот сюжет по законам жанра. Это ведь было просто очередное человеческое просветление, свойственное

всем в надлежащих обстоятельствах: я еще не нуждался в Боге, вернее, не осознавал этого, потому что нуждался в единстве, но не понимал, что нет и не бывает единства без Бога.

Чтобы понять это – недостаточно испытанья счастливыми слезами и недостаточно слов. Нужны иные свидетельства, но и за ними дело не станет, ибо неминуемо и непременно приходят они: тогда, когда не ищешь. Рухнет мир, прервутся связи, исказятся образы, воцарится ложь, и то, что было томленьем духа, обернется таким ужасом всеобщего бессилья, что и обыкновенная суета сует покажется желанной, и поиному прочтутся книги, и загорятся слова, - и прожгут сердце, если оно еще не вовсе обмануто или убито:

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом:

время рождаться, и время умирать;
время насаждать, и время вырывать посаженное;
время убивать, и время врачевать;
время разрушать, и время строить;
время плакать, и время смеяться;
время сетовать, и время плясать;
время разбрасывать камни, и время

собирать камни;

время обнимать, и время уклоняться от объятий;
время искать, и время терять;
время сберегать, и время бросать;
время раздирать, и время шивать;
время молчать, и время говорить;
время любить, и время ненавидеть;
время войне, и время миру».

Книга Экклезиаста или Проповедника, 3: 1-8

Так что же это было за время, когда я вновь оказался в мцхетской придорожной харчевне с видом на Джвари зимой девяносто восьмого года?

Тот же Картлос был рядом со мною, что и в прежнее, слезами памятное посещение, но была зима, декабрь, и нищие наружностью горы были присыпаны снегом, как некогда иссиня-черные волосы Картлоса присыпаны были ныне пепельной сединою. Горе и политика были кругом, политика и горе. Горестное унижение предельного безденежья не слишком отражалось на застолье, да и то, вместо светлого вина из глиняных плошек мы запивали еду вездесущей Кока Колой, и вкус у кебабов и солений был другой: горчило.

Грузия устала, как человек устает от смертельной болезни и уже не боится смерти. Время ненависть прошло, поскольку усталость побеждает и ненависть; время любить еще не приходило, поскольку усталость не свойственна любви. Но после десяти лет вынужденной разлуки мы вновь нашли и обрели друг друга, хотя и выглядело все это простой случайностью в мире хаоса.

И все же – это было время собирать камни: друзья, утраченные и погибшие, стали вдруг возвращаться как мне и наяву, и во сне. Так и мы с Картлосом встретились, созвонясь, на улице Руставели – улице движков: электричество в город подавалось только на три часа по вечерам, и поэтому все шикарные магазины обзавелись собственными электродвижками, шумевшими у дверей. Весь Тбилиси уже несколько лет зимовал как придется: дрова продавались у Куры, но купить было трудно. Дровишки, влезавшие в багажник «Москвича» или «Лады», стоили непомерных для большинства денег – шестьдесят лари при средней зарплате в двадцать-тридцать монет, и эти были счастьем при тотальной безработице. Картлос работу не потерял – его вычислительный центр что-то там еще считал и вычислял, и потому в его старотифлисской квартире на проспекте Плеханова, он же проспект Давида Строите-

ля, стояла невиданная роскошь: газовая печка.

Другие тбилисцы перебивались чем могли: в квартирах стояли буржуйки, где сгорали книги и все что ни попадя: тепло и еда опять стали в жизни главным, как в пещерное время. Догадливые установили в квартирах автомобильные аккумуляторы, которые запасали редкое электричество и, подведенные к мельчайшей елочной лампочке, тускло и страшно освещали жизнь бессветными и безнадежными вечерами. Сгорела в печках старая мебель, и холмы Грузии обезлесили: деревья вокруг Тбилиси были сведены под корень: жить-то надо.

И к деньгам отношение стало другим. Помня пиры и застолья, я заставил другого своего утраченного и снова обретенного грузинского друга зайти со мной в подвальный духан. Он долго противился, а после ужина пришел едва ли не в ужас, когда я задумал поехать домой на такси. Мы-таки поели всякой ностальгической всячины – хинкали, джонжолы, что там еще было, не помню – а когда пришел час рассчитываться, оказалось, что наели мы на одиннадцать лари и пятьдесят пять тетри. Я, по давней тбилисской памяти, легко, со спасибо, отдал официантке двенадцать лари и мы пошли было восвояси, но она остановила нас – а сдачу? Когда она наконец уверилась, что ей оставляют на чай сорок пять тетри, чуть не расплакалась в пустом этом духане, и у меня духа не хватило сказать ей то, юношеское наше: Не горюй!

С такси дело было еще трогательней: там шофер пытался отдать мне сдачу в пятнадцать тетри, и остался по-настоящему счастливым с этой мелочью в руках. Но для Тбилиси – давно уже не мелочь это была. Для подавляющего большинства людей речь шла о простом хлебе, том самом, насущном, к вынужденной мольбе о котором едва ли не вовсе свелась их вновь обретенная религиозность. Хлеб наш насущный даждь нам днесь.

Даже Карлос, который, подъехав на стареньком сиреневом «москвиче», подобрал меня, стоявшего в конце Руставели у древней церкви Св. Георгия, что напротив самой знаменитой в Грузии гимназии, где учился и Илья Чавчавадзе, торопливо, из-за руля, перекрестился на храм, куда входили и откуда выходили люди. Чего просили они у Бога? Будущего или – настоящего? Надежд? Хлеба?

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться.

Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их.

Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?

И об одежде что заботитесь?

Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или «что пить?» или «во что одеться?»

Потому что всего этого ищут язычники, и потому, что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

Мф.6 25:34

6.

И мы поехали в Мцхета мимо той самой гимназии, глупо и яростно разрушенной во время междоусобной войны, а ныне вновь остроенной и сияющей фальшивой рекламной новизной. Кура чернела в белом обрамлении берегов; бледно засветились редкие огни. Тоска, как снег, лежала на голых ветвях чинар – и не мог я вспомнить ни одной грузинской песни из тех, что в счастливых слезах и объятьях пелись на казанской улице Овражной. Нет больше Тбилиси – сетовали мои знакомые и приятели. Сам беспечный и радостный дух Тифлиса убит, так сокрушались они.

А дух Кавказа? Сидя в Тбилиси, я еще не мог сказать за весь Кавказ. Отсюда мой путь лежал дальше, в Баку, и новые, еще неведомые разочарования ждали меня впереди. Сейчас же, прилетев в заснеженную столицу Грузии за неподъемные для простого путника деньги на самом крошечном самолете из Еревана, я горестно томился и увиденным воочию всеармянским несчастьем.

За два дня до этого я провел вечер и ночь в одном из сохранившихся шушинских домов, где жили родители сопровождавшего меня в невеселой поездке моего товарища, тоже, как и я, корреспондента русской службы Би-би-си. Эта поездка по Кавказу была нашей служебной командировкой.

Так вот, эту семью армянских беженцев из Баку заселили в этот одноэтажный деревянный дом, когда-то принадлежавший азербайджанской семье. Вокруг была тьма и разруха: за все время в Шуше появилось лишь одно новое здание, и это был армянский христианский храм, поставленный здесь как символ. Но если уж уходить в символику времени, другими зримыми символами наступившей эпохи были руины домов и мечетей, и танк на постаменте на крутом повороте серпантина, ведущего из горной Шуши в расположенный ниже Степанакерт.

Все, чего достиг независимый Нагорный Карабах, держалось на военной силе, и от этой силы немного перепало семье, которая приютила меня в своем временном жилище. Семья эта жила и живет невероятно трудно, в практической нищете и гордом отчаянии, и, когда дают электричество, смотрит по телевизору передачи из Баку: горы не пропускают в Карабах передачи из Еревана. Под звуки азербайджанских песен я вышел в окружающую зимнюю тьму, в умирающий сад: в расстилавшемся по горам мраке редко где горели огоньки, одиноко тявкали собаки, и утро не обещало чудесным людям, разделившим со мною свой последний хлеб, ничего, кроме новых унижительных страданий.

Это была всего одна семья из тысяч, лишившихся крова в Азербайджане; в Баку и в бывших санаториях и домах отдыха Апшерона точно так же страдали и мучались неопределенностью и безнадежностью тысячи азербайджанских беженцев. И вечные звезды смотрели с морозных небес на нескончаемое человеческое страдание, которого, наверное, могло и не быть. Трудно навсегда убедить людей, что они живут на свете, чтобы ненавидеть друг друга. На время – можно, но вот последствия этого безумия не проходят вместе с одним обезумевшим людским поколением.

Так – ведь и меня когда-то едва не огорчили в Ереване. Это было в 1988 году, в годину бесконечно-го митинга на площади у Ереванского театра, когда и армяне востребовали для себя справедливости. Справедливость называлась Нагорный Карабах, и не было у нее другого имени. Тогда я попал в Ереван вместе со своими венгерскими друзьями, поэтами, которые исполняли задуманную еще в советские времена командировку по СССР. Случилась незадача: в Москве они

выяснили, что ни одна республика не может их принять в силу обстоятельств полнейшей неопределенности бытия. Отказала Грузия. Отказала Молдова. Отказал Азербайджан. Как-нибудь в другой раз, говорили нам, когда все успокоится.

Тогда мы сменили тактику, и перестали просить гостеприимства. Сели в самолет и свалились на ошарашенный Союз писателей Армении, как снег на голову. Мы были совсем уж нежеланны как свидетели разброда и шатаний, но старые традиции еще как-то работали, и, пригрозив мне взысканием на уровне секретариата СП СССР, нам организовали краткое пребывание в республике – поездку в Гегард и Матенадаран. Что тут было огорчаться? Но огорчение состоялось в другом. Еще из Москвы я позвонил издавно знакомому армянскому поэту – в уповании, что он, по старой дружбе, скрасит наши дни в Армении: на странноприимство писательского официоза надежды не было никакой. Это чудесный поэт. Он действительно примчался в здание армянского Союза писателей, и его секундное присутствие хоть как-то смягчило отвратительное ощущение нежеланности, которое я, по сравнению с венграми таки местный, полностью принял на себя. Он, впрочем, сразу куда-то заспешил, сказав, что еще увидимся. Мы действительно увиделись, но уже случайно – в писательском кафе. Я бросился к нему, но меня тотчас обдало холодом. Мой приятель, сидя в кругу друзей, едва повернул голову и продолжил свою беседу, не найдя для своего недавнего прошлого ни времени, ни сочувствия. Иное прошлое, тысячелетней давности, занимало его: оно уже стало его единственным настоящим. Пожав плечами, я и удалился, удивясь.

Пораскинув на досуге мозгами, я понял причину этого отчуждения и нарушения всех казказских обычаев. Я был татарин, вот что. В его глазах, устремленных в тысячу лет назад, я уже был чужой и не свой, турок, турок, мусульманин, на одно лицо с миллионами других турков, у которых, впрочем, не было и лица. Поэтому он перестал узнавать меня, чудесный поэт. Я не в обиде. Я, к сожалению, уже не умею терзаться случайной нелюбовью к себе, как в незапамятном и грустном детстве.

Теперь, над деревянной столешницей, уставленной печальными кебабами последних времен, я, скрепя сердце, расспрашивал Картлоса о недавнем прошлом и немедленном будущем. Быть может, надеюсь, что хоть единый блик света осветит наш смертный и нечаянный человеческий разговор. И я, за низеньким столиком мцхетской пирожковой, спросил Картлоса: «Доколе?» И вот он ответил: «Наверное, так надо. Видимо, надо испить чашу и взойти на Голгофу. Но не дошла еще Грузия до своей Голгофы, лишь идет – в пепле, унижении, без упования на спасение...»

Но истина единства горчит лишь вначале, и дальнейшая бесконечная, неиссякаемая сладость ее искупает все, что вместе с невежеством своим утрачивает человек.

Ведь наступает, грядет и приходит время, когда легенда перестает утешать, святая ложь теряет святость, а миф становится из спасительного пагубным, - и все только потому, что ни один миф не вечен. Человек прозревает и при свете начинает думать, что сошел с ума: все видится по-иному, - и собственные грехи и огрехи, и нестерпимое разноцветье мира, в котором он вдруг узревает собственное место в полном единстве всех мест и времен.

Равиль БУХАРАЕВ
2002 год
Лондон

Я СКАЗАЛ ЛЮБЯ

АРСЕН ЕРЕМЯН
ПОЗОВИ МЕНЯ
КАК СЫНА

Как давно в Армении я не был.
Позови меня, как сына позови.
Протяни мне теплый ломоть хлеба,
Выпеченный с пролеском зари.

Горы втиснуты в масштабы фотографий.
Резиденция твоих царей Гарни.
Чем-то мы кому-то не потрепали,
И душа по-прежнему саднит.

А потери, что в Арпе песчинки.
Все закрыт для явки Арарат,
И ковчег на склоне его льдинкой,
Не сойдет со стапеля назад.

Как давно в Армении я не был.
Сердце вроде потерял в горах.
С гор легко дотронешься до неба,
По атлантам мера свой размах.

Конец 60-х годов. Приехавший на руставелевские юбилейные торжества в Тбилиси армянский писатель Гарегин Севунц сказал в интервью Арсену Еремян, тогда корреспонденту «Вечернего Тбилиси»: «Наши два народа живут рядом, так близко, что мы слышим, как бьется сердце соседа».

И вот МКПС «Русский клуб» осуществил проект (руководитель – заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий) – издание книги А.Еремяна «Позови меня как сына» при поддержке Международного благотворительного фонда «КАРТУ». Она включает стихи и прозу автора, основанные на материалах о грузино-армянских взаимосвязях. С учетом культурного и политического значения данного издания для обоих народов, к участию в проекте были привлечены Союз писателей Грузии и Союз писателей Армении.

Презентация книги состоится в июле в Тбилиси и Армении.

«Добро – вот камертон, которым мы определяем непреходящую ценность литературного произведения будь то роман, рассказ или стихотворение. Очень хочется верить в победу добра в наше время ядерного безумия и оголтелого терроризма, что оно спасет мир», - пишет А.Еремян.

Приводим два его стихотворения из сборника.

МТАЦМИНДА

Застолье длится до рассвета.
И как обычно – дым столбом.
А я хочу в свою газету,
Где для меня и стол и дом.

Скользит с плато фуникулера
Вагон в объятья нижней станции,
Жену наркома увлекли в танце,
Проигнорировав донос филера.

Спешат вернуться на постой
В гостиницу хмельные гости,
И там читают стих простой,
Когда об этом их не просят.

Где подсмотрели вы стрижей,
На лоскуты стригущих небо?
Ведь это ласточки ей-ей,
О, как давно я дома не был!

Спит Нарикала – куличи
Застыли в каменном дозоре.
Все говорит: «Замри, молчи!
Где ты увидишь лучше зори?»

Тбилиси я люблю, как сын,
Шекспира сорок тысяч братьев.
Мтацминды женщины босые
К заутрене спешат собраться.

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

Она обжигала недобрых людей,
А добрым была как лекарство.
Не станет забыто, не будет старо
Старание это простое:
Дед с легкой душой наполняет ведро,
Чтоб мир напоить чистотою.

Не белым облаком – крылом
Качает небо паутинку.
И старый август о былом
Заводит старую пластинку,
Где звук отлаженной пилы
Над всей округою несется...
А дни под осень так спелы
И тяжелы созревшим солнцем!
Спешит подсолнух-голова
Склониться над землей-основой,
Где обретает вновь трава
Права порядка мирового.

Наступил день рожденья. Скупой отрывной
календарик
На страничке вмещает еще один праздник судьбы.
Васильки и ромашки... Кто в городе мне их
подарит?
То ли дело в деревне, где травы бегут от косьбы.

Васильки и ромашки... А с ними ушло полстолетья.
И не мне говорить, что в былом интересного нет.
Вот он, радостный луг, где идут босоногие дети
И несут мне торжественно лучший на свете букет...

Я сейчас занавешусь от горя отчаянной челкой.
Вот он, дедушкин дом, вот упрямое детство мое.
Снова день расцветет, заснут легковверные пчелы
И бабуля развесит сушить на веревке белье.

Васильки и ромашки... А детство мне все
еще снится.
Так безоблачна жизнь, так сладка и невинна слеза!
Вот он, мой день рожденья: цветастое платье
из ситца
И от мамы посылка, где кукла смеется в глаза.

От этих старых лип, возросших над столетьем,
От сереньких домов, сроднившихся с землей,
Не оторвать меня: мне нет на белом свете
Милее этих мест. Зови меня родней,
Смиренная моя, притихшая деревня,
Готовая терпеть, пропахшая трудом,
Склоненная душой над вещью книгой древней,
Привыкшая копить страданье «на потом»,
Прошитая слезой, в платочке полустертом,
Увязшая в грязи на скользких колесах,
Убитая войной, восставшая из мертвых,
Заштопанная вкось, лоскутная моя...
Здесь прадеды мои себе судьбу ковали –
И мне сковали цепь, что жизни не длинней.
Родимая моя, что б годы ни гадали,
Не отпускай меня от пажити своей!

ВСЕ ЭТО МАМА ВЫШИВАЛА...

Открыть стало воскресенье:
Еще один урок мне дан.
Не зря я в этот день осенний
Открыла старый чемодан.

Салфетки, скатерть, покрывало –
Ярчайших красок торжество...
Все это мама вышивала
В минуты счастья своего.

Бутоны роз, соцветья маков,
Лесные птицы и зверье...
О, этот мир не одинаков
Для тех, кто видит в нем свое!

Букеты васильков, ромашек,
И поле, и речная гладь...
Была ты, мама, горя старше.
Мне слез твоих не сосчитать.

Но рукотворный миг удачи,
Как чудо-нити, не стереть:
Твой лес живет, и белка скачет,
И день не думает стареть.

Век перемен, измен, открытий,
Отплывший к вечным берегам...
Опережаем ход событий,
Судьбу читаем по слогам.
Находим творческие муки,
Перетираем пыль пути,
Чтоб в этой азбучной науке
До буквы собственной дойти.

Мне дали ахматовский сборничек,
Сказали: «Прочти за два дня»...
Но кто-то на курсе поподличал
И выкрал его у меня.

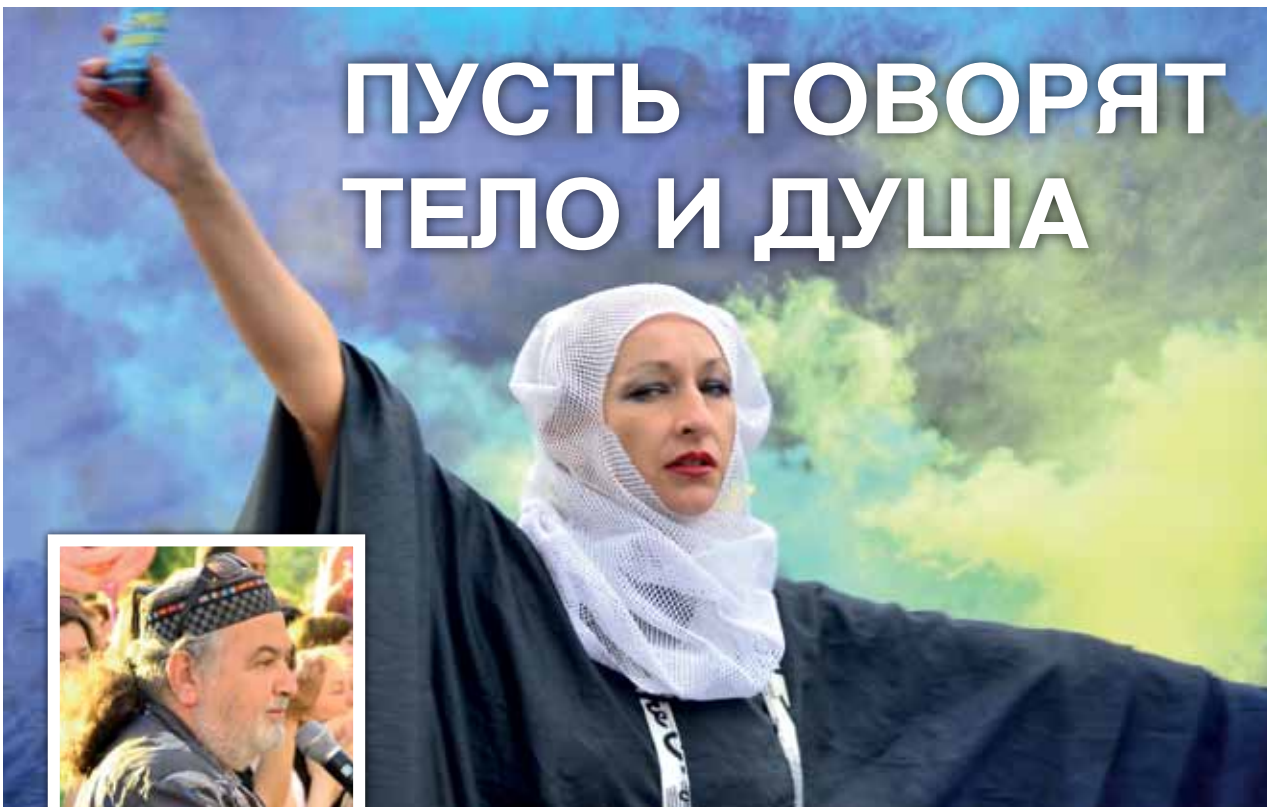
Все поиски были напрасными:
Чужая беда – не беда.
Но уши сокурсника – красные –
Запомнились мне навсегда.

Тогда мне хотелось отчаяться:
Душа потеряла уют.
Но уши воров (так случается)
Отчаянно их выдают.

Ахматова... Анна Андреевна,
Причина молитв и грехов...
С тех пор я впервые – уверенно –
Поверила в силу стихов.

Участники VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Во весь голос» и Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» от всей души поздравляют Валентину Поликанину с замечательным юбилеем и желают творческого долголетия, здоровья и процветания!

ПУСТЬ ГОВОРЯТ ТЕЛО И ДУША

▲ Ярослав Федоришин

Восторг, радость – это, пожалуй, слишком слабые слова, чтобы определить впечатление от спектакля «Глория», показанного в Тбилиси артистами Львовского академического духовного театра «Воскресение» в рамках Дней этого города. Шоу было показано на открытом воздухе – в парке Рике.

Тбилисцы стали свидетелями яркого представления на ходулях, что уже само по себе завораживает – где бы ни выступали артисты «Воскресения». Фантастические существа, похожие на огромных черных птиц, совершают ритуальные действия с огнем, пиротехникой. Происходят превращения – из гигантских птиц рождаются люди-великаны. Танцующие, поющие. Растящие детей. Под звучание этномызыки Буковины и Гуцульщины – исторических областей Украины... За час сценического времени перед глазами зрителя проходят все этапы истории человечества – возникновение жизни, появление людей, рождение детей, поклонение «золотому тельцу», Апокалипсис и, наконец, очищение и возрождение.

Львовский академический духовный театр «Воскресение» основан в 1990 году группой молодых актеров из разных городов Украины и режиссером Ярославом Федоришиным. В репертуаре театра соединяются традиции психологического театра и современные художественные формы, украинская и мировая драматургия.

- Мы не смогли привезти весь спектакль «Глория», - рассказал художественный руководитель и директор Львовского духовного театра «Воскресение» Ярослав Федоришин. - Поэтому показали только его фрагмент. Это очень большое представление, и самолетом привезти огромные декорации было невозможно. Нам и без того влетела в копеечку транспортировка трейлера. А кое-что удалось забрать в самолет. В основе спектакля «Глория» - история человечества. Увы, мы не смогли показать тбилисцам впечатляющую сцену Апокалипсиса. Ведь она строится на огромных, шестиметровых огненных пирамидах, там очень много огня! В Тбилиси мы показали только несколько танцевальных номеров из нашего представления. Мы всегда показываем «Глорию» на большой площади. Впрочем, у нас много хороших

уличных спектаклей – «Вишневый сад», «Встретить Просперо». Это огромные и очень красивые ночные представления. Нужен соответствующий свет, а в Тбилиси мы играли практически днем...

- Театр, как известно, родился на площади. Вы возвращаетесь к истокам?

- Театр – это, прежде всего, праздник. Наш театр начал работать на площади с 1997 года. Но мы играем и на сцене. Кстати, наши уличные представления бесплатные. И это всегда радость, хорошее настроение, что очень важно в наше время, как мне кажется.

- Удивительно, что даже Чехова можно играть на площади.

- Наш «Вишневый сад» - это действительно Чехов, но без слов. Там есть все – зрелищные сцены, сцены на ходулях, сад – мы видим, как он сгорает и как наши души возносятся над садом. Уличный спектакль – это уже жанр. Потому что это большое пространство, можно использовать огонь, воду, снег, большие конструкции. И в то же время драматических актеров. Все это в соединении дает необыкновенный эффект.

Театр родился на улице, возле храмов, вырос из ритуалов. Вся Европа, весь мир играет спектакли на улицах. Если вы поедете за границу, то увидите, что в воскресенье, в другие дни уличные фестивали проводятся именно для праздника. У нас в репертуаре уличные спектакли «Иов» по Ветхому Завету, «Святой и грешный», «Фiesta». Сейчас мы работаем над спектаклем «Моцарт и Сальери» - не по Александру Пушкину. Это спектакль о великих композиторах, о том, как они создавали свою музыку. Образы их сочинений и будут ключом к спектаклю. Все наши уличные представления объединяет хореография, цирк, драматическое искусство, гимнастика. Слово звучит очень редко.

- Недоверие к слову?

- Почему недоверие? Просто в нем нет нужды. В театре много слов, но они фальшивы, пусть лучше говорят тело и душа.

Анна БЕЛОВА

ПРАЗДНИК РУССКОГО СЛОВА

▲ Алла Беженцева

1150 лет назад произошло великое событие в истории культуры – христианские просветители братья Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку и перевели на церковнославянский язык тексты Священного Писания. Начиная с 1863 года, 24 мая просвещенное человечество отмечает День славянской письменности и культуры и отдает дань памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Святых братьев почитают во всех славянских странах – как православных, так и католических. В сознании многих поколений они – символы славянского письма и культуры.

В России день Кирилла и Мефодия раньше отмечала церковь. На государственном уровне он впервые был отпразднован 150 лет назад, в год 1000-летия создания славянской азбуки. В 1991 году 24 мая был объявлен официальным Днем славянской письменности и культуры. В пасхальную ночь того года от свечи Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II была зажжена свеча Славянского хода, который символизировал духовное и культурное единство всех славянских народов.

На сегодняшний день это единственный праздник в России, который является одновременно и государственным, и церковным.

По доброй традиции соотечественники в Грузии также ежегодно отмечают этот большой духовный праздник. Но юбилей на то и юбилей, чтобы отметить его особому.

Так и поступил Союз русских женщин Грузии «Ярославна», который при финансовой поддержке фонда «Русский мир» провел целый ряд мероприятий, посвященных знаменательной исторической дате. Большую помощь «Ярославне» оказали Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и Союз русской молодежи Грузии.

В рамках празднования Дня славянской письменности и культуры состоялся конкурс сочинений «Русское слово». Его участниками стали молодые люди разных национальностей в возрасте от 15 до 25 лет. Всего в конкурсе приняло участие более 50 человек из разных регионов Грузии. Представленные работы были нестандартными, творческими – в виде исследований, стихов, писем. Поэтому к основным номинациям организаторы добавили пять дополнительных. Победителей определило независимое жюри во главе с Михаилом Айдиновым, председателем Союза русскоязычных журналистов Грузии, в составе председателя Союза русской моло-

дежи Грузии Александра Беженцева и филологов Софы Берия и Нелли Картвелишвили.

Гран-при конкурса получила выпускница юридического факультета Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили Светлана Мурадзян за работу «Что-нибудь по-русски, пожалуйста». Лауреатами конкурса стали Отари Костава (3 место), Варвара Есипова (2 место), Катерина Бауман (1 место). Дипломантами конкурса были названы Марианна Джалалбекова, Анна Путкарадзе, Анна Бойко, Анна Бенделиани и Светлана Акопян.

«Главная цель конкурса – расширение ареала распространения русского языка, культуры, истории, русских традиций на территории Грузии и консолидация молодежи разных национальностей, - заявила на итоговой пресс-конференции в Тбилисском международном пресс-центре РИА Новости Алла Беженцева, председатель Союза русских женщин Грузии «Ярославна». - В последнее время было много недопонимания между грузинской и русской молодежью. А у нас в конкурсе «Русское слово» участвовали представители именно грузинской молодежи. По-моему, это и есть настоящая народная дипломатия».

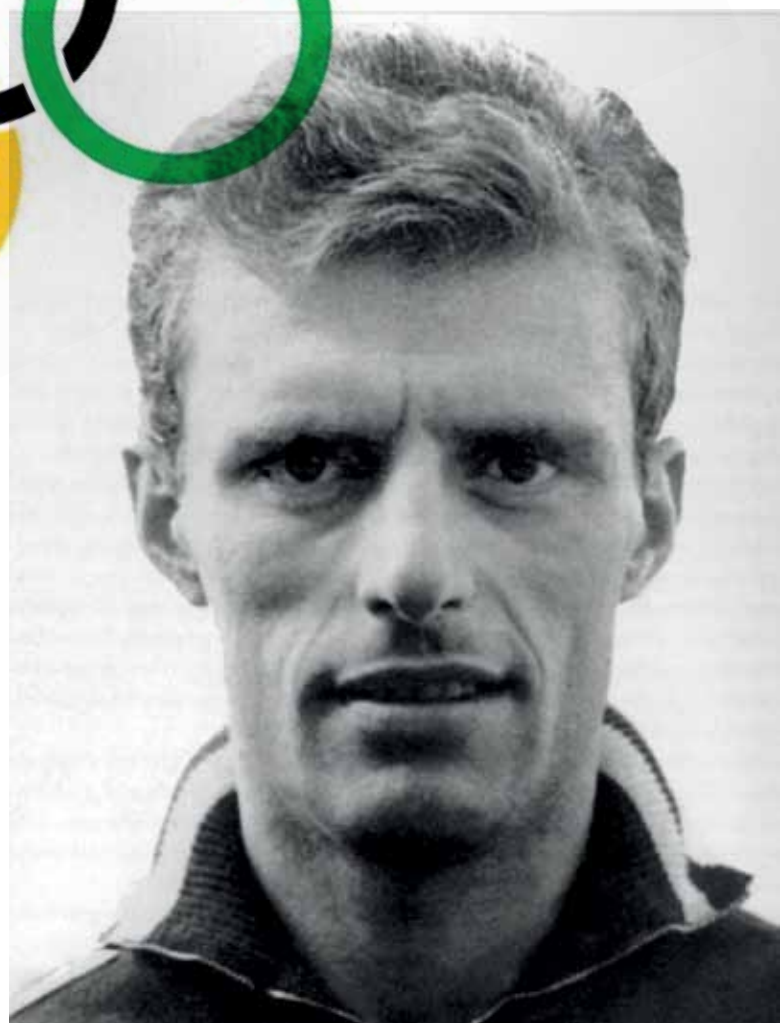
Еще одним заметным мероприятием, проведенным «Ярославной» к празднику 24 мая, стали трехдневные семинары для грузинских педагогов по преподаванию русского языка как иностранного. Семинары прошли в Тбилиси и регионах Грузии.

Празднование завершилось в Тбилисском государственном академическом русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова красочным музыкальным представлением «Емелино счастье» по мотивам русских народных сказок.

«Мы хотим способствовать сближению и единству представителей различных диаспор Грузии, установлению климата межнационального уважения и мира», - отметила А.Беженцева.

Благородной цели просвещения и миротворчества «Ярославна» следует во всех своих начинаниях. Именно поэтому в праздничный день святых Кирилла и Мефодия, которых воистину можно назвать великими учителями всех славянских народов, хочется особо поблагодарить Союз русских женщин Грузии за светлую эстафету просветительства, которую они приняли от предков. И продолжают нести дальше – бережно и ответственно.

Соб.инф.

▲ Важа Качарова

БОЙ У СЕТКИ

Как все чемпионы, он рос обыкновенным подростком. Особенно увлекался футболом, готов был играть круглые сутки, сказывалось соседство динамовского стадиона – Важа жил на Трамвайной улице. В дело шло все, что могло катиться – нередко мяч заменяла консервная банка.

Мать, Шушана Копалеишвили, сердилась: «К сапожнику хожу, как на работу. Ты один решил прокормить его семью?»

Его футбольные вкусы рано определились – играл на месте центрального защитника, выделяясь техникой и спортивным азартом. Кто видел его в деле, не сомневались: перед ними будущий футболист.

Важа Качарова мечтал стать футбольным вратарем. Это желание усилилось, когда в их дом, на зависть мальчишкам соседних дворов, переехал Вальтер Саная, знаменитый страж ворот тбилисского «Динамо».

Но к пятнадцати годам вмешался случай. На школьных соревнованиях по баскетболу он выиграл спорный мяч у старшеклассника, и тот предложил ему, не по годам рослому и прыгучему, пойти в волейбольную секцию, где сам тренировался. И вот Важа в спортивном

▲ Исполком НОК Грузии. Во втором ряду второй слева – Важа Качарава. 1989

зале, в помещении недействующей католической церкви (на улице 1 Мая – А.Е.), стоит перед своим первым тренером Маргишвили, одним из лучших детских тренеров. Шота Ражденович хитро щурится на новичка и неожиданно командует: «Ступай в раздевалку!»

Так Важа Качарава впервые оказался на волейбольной площадке, на которой отыграл свыше двадцати лет, стал олимпийским чемпионом.

Сейчас, спустя годы, интересно узнать мнение Важа Соломоновича о виде спорта, который принес ему мировое признание: «Волейбол – одна из самых джентльменских и интеллектуальных спортивных игр. Этому способствует и то, что она бесконтактная. Очень редко, когда соперники наносят друг другу словесное или физическое оскорбление. Мы не вправе даже на недобрый взгляд. Вследствие этого, хотите вы того или нет, формируется джентльменский характер».

Мы беседуем в тбилисской квартире олимпийского чемпиона, вспоминаем этапы спортивной карьеры ее хозяина, среди которых, конечно же, кульминацией стало участие в составе сборной команды СССР в Токийской олимпиаде 1964 года.

Подготовку к Играм начали в январе. Понятно, все переживали – попадут ли в сборную, но капитан Юрий Чесноков поведал ему тайну: Качарава вне конкуренции, и он успокоился, всецело посвятив себя подготовке к важнейшим встречам на 10-дневном сборе в Хабаровске.

В Токио прилетели 7 октября, за три дня до официального открытия Олимпиады, готовые отстаивать свой титул сильнейшей команды планеты. Так думать позволяли победы на чемпионатах мира 1960 года и два года спустя, и

боевой, обстрелянный состав. Новичков в команде трое: Калачихин, Люгайло и он, Качарава.

Среди девяти команд-соперниц выделялись три. Это, в первую очередь, серебряные призеры чемпионатов мира 1960 и 1962 годов волейболисты Чехословакии, обладатели бронзовых медалей этих соревнований – румыны. Не скрывали честолюбивых планов спортсмены Японии. Хозяева Олимпиады были полны решимости выиграть волейбольный турнир, который, как и дзюдо, был впервые включен в программу Игр.

В Токио от советских волейболистов требовали только победы. Для поддержания своего престижа двукратных чемпионов мира, подкрепленного олимпийским золотом и максимальными очками в копилку советской спортивной делегации. Олимпиада должна была стать одним из подтверждений хрущевского лозунга – «догнать и перегнать Америку».

Подогреваемый этим призывом, большой начальник спорта обещал привезти на родину 50 золотых медалей, никак не меньше.

Япония впервые проводила телетрансляцию Игр на другие континенты, на миллиардную аудиторию зрителей. Но в советской стране сенсацией телепрограмм и газетных полос стали не спортсмены. 14 октября 1964 года Пленум ЦК КПСС освободил от занимаемых должностей автора знаменитого лозунга, и многие блестящие выступления наших олимпийцев остались незамеченными и неотмеченными по заслугам.

Шли дни на спортивных аренах, а золотой запас нашей команды был далек от обещанного. Уехали домой Александр Иваницкий и его тезка Медведь, Валерий Брумель, Леонид Жаботинский с Юрием Власовым, а

волейболисты доигрывали свой десятидневный марафон.

«Неожиданности для нас начались за два дня до открытия Игр, - рассказывал Важа Качарава. - Пришел старший тренер болгар и предложил сыграть товарищеский матч с его ребятами, которых он, по его словам, собрал в последний момент на пляже курорта Золотые Пески. Видимо, эта подробность лишила нашу команду должного настроения, потому что тот матч мы проиграли».

Что тогда началось! Срочно созвали общее собрание спортивной делегации, на котором было объявлено, что все готовы к стартам, за исключением волейболистов, у которых, дескать, что-то не ладится. После такого напутствия у кого угодно испортится настроение.

На первый матч с румынами, чемпионами Европы-63, тем не менее, команда вышла как на решающий. И победила в напряженной борьбе, в ходе которой ведущие игроки потеряли в весе по два - два с половиной килограмма. После легких побед над командами Голландии, Южной Кореи и Венгрии настала пора решающих поединков.

Положение осложнялось тем, что во встрече с румынами Чесноков повредил локоть, но, преодолевая сопротивление врачей, раз за разом выходил на площадку.

На матч с чехословаками наши волейболисты вышли предельно мобилизованные. Первая партия ими выиграна 15:9, вторая - 15:8. Но противник не сломен, сборная Чехословакии выигрывает следующие две партии - 15:5 и 15:10. Победный настрой демонстрируют они в начале решающей партии - 5:2. Но после трех часов сражения советская сборная обретает второе дыхание, выигрывая очко за очком. Окончательный счет 15:7 в ее пользу.

Победа над сборной Чехословакии с минимальным счетом 3:2, по общему мнению, обеспечила советской команде золотые медали.

Но последовал проигрыш хозяевам.

«Японцы изумительно сыграли в защите, - говорит мне Качарава, - и сделали все, чтобы повторить успех феноменальной национальной женской команды. Могли мы и не проиграть. Первую партию выиграла. После третьей уже хозяева вели - 2:1. Они же были впереди в решающей партии - 14:13 на своей подаче. Мяч на нашей половине. Как нападающий играю в центре сетки, то есть против тройного блока. Прошу нашего связующего Юру Пояркова пасовать повыше. Нам нужен один точный удар. Он отдает мне, но подача получается мягкой, мяч поднимается не так высоко, как хотелось бы. Мой сильный удар приходится в грудь блокирующего и летит на японскую половину. Соперники разыгрывают комбинацию и завершают игру в свою пользу. Жаль, сюжет матча мог быть иным. А так пришлось выигрывать все оставшиеся встречи - с американцами, теми же болгарями, бразильцами, с «сухим» счетом».

По очкам советская сборная сравнялась с чехословацкой, но опережала ее за счет лучшего соотношения выигранных и проигранных партий.

Положение обострилось, когда чехословаки с «сухим» счетом разгромили сборную Японии. Наши волейболисты побеждают бразильцев - 15:7, 15:6 и 15:9. В предпоследний день встреча со «знакомцами» болгарями. Первую партию выигрываем легко - 15:2. Но во второй и третьей - соперники не собираются уступать.

▲ Волейболисты СССР в Лондоне. 1965

Во второй партии счет был равный - 14:14, но все же удалось дожать - 16:14. В третьей - уже болгары вышли вперед - 12:9, но удары Бугаенкова, Качарава и Чеснокова позволили сравнять счет. Победное очко принес Коваленко - 15:13.

Последний матч - с бразильцами - наши волейболисты выиграла с привычным счетом - 3:0 (15:6, 15:5, 15:4), став первыми олимпийскими чемпионами.

Пришедшие в раздевалку руководители не скрывали радостных слез.

«Наградили вас за победу?» - спрашиваю чемпиона. Важа Соломонович смотрит на меня, недоумевая. «Золотыми олимпийскими медалями!» «Правительственной наградой», - уточняю вопрос. Таковой не было. Да и звание заслуженного мастера спорта присвоили им только через год, после победы в первом розыгрыше Кубка мира. А тогда в Токио «отличился» один из ведущих игроков, принял на радостях сверх нормы, а наказали всю команду.

За команду-победительницу выступали Станислав Люгаило, Важа Качарава, Эдуард Сибиряков, Валерий Калачихин, Юрий Венгерровский, Георгий Мондзольевский, Николай Буробин, Юрий Поярков, Иван Бугаенков, Виталий Коваленко, Юрий Чесноков, Дмитрий Воскобойников. Тренеры - Н.Михеев и И.Клещев.

Качарава в олимпийском турнире отыграл четыре матча с первой до последней минуты, в остальных - выходил на замену. Не будем забывать, что заменяющего вводят в игру в критические моменты, когда каждое очко имеет решающее значение и надо немедленно включиться в общий ансамбль, с первой минуты играть на пределе возможностей. По общему заключению, наш земляк великолепно сражался на обоих фронтах, подтверждая свой высокий класс нападающего.

Однако на Олимпиаде 1968 года в Мехико Качарава не увидели. Невероятно, но факт. Бронзового призера

▲ Сборная Грузии по волейболу и ее главный тренер В. Качарава (во втором ряду справа)

чемпионата мира (1966), победителя розыгрыша Кубка мира (1965) в команде, чемпиона Европы 1967, Всемирных Универсиад-63 и 65 не включили в сборную страны, когда он мог стать двукратным победителем Игр, хотя его колоссальный опыт, волевая собранность, моральные качества, как и других героев Токио – Бугаенкова, Пояркова, Венгеровского, Буробина, по словам капитана команды Чеснокова, не вызывали сомнения в предолимпийский период. К слову сказать, Венгеровского и Буробина также лишили возможности выступить на второй для них Олимпиаде.

Через двадцать пять лет перед Качарава извинились за эту несправедливость, утвердив во мнении, что его вопрос решался в подковерной борьбе.

С 1965 года Важа Качарава играл в составе московского «Динамо», был его капитаном. Выступал за сборную Москвы, став серебряным призером Спартакиады народов СССР (1968, 1971), обладателем бронзовой медали чемпионата страны (1965).

Закончив выступать в большом спорте, он полностью переключился на научную и тренерскую деятельность. Вначале в Московском высшем техническом училище им. Н. Баумана, которое окончил в 1972 году, работает доцентом на его кафедре физического воспитания и восемь лет – главным тренером женской команды МВТУ, а параллельно – молодежной и студенческой сборных СССР (1976-77). Воспитал и вывел в большой спорт 20 мастеров спорта, шесть мастеров спорта международного класса, одного заслуженного мастера спорта – Владимира Чернышева, олимпийского чемпиона в Москве и серебряного призера Монреальской олимпиады.

После семнадцати лет пребывания в Москве, где сформировался как выдающийся спортсмен и успешный тренер, Качарава вернулся на родину – заслуженным тренером СССР и РФ. В 1990 году его назвали лучшим тренером страны, включили в число лучших волейболи-

стов XX века.

Казалось бы, можно спокойно почитать на лаврах, доживать свой спортивный век. А он, вернувшись в Грузию, где в молодые годы выступал за тбилисский «Буревестник» и сборную республики, многое сделал для славы и величия отечественного волейбола, не отказывается от профессиональной мечты создать свою команду, какой ее видит олимпийский чемпион и ученый; в ранге главного тренера в течение десяти лет (1984-94) работает с мужской сборной Грузии. С первых дней создания инициативной группы включается в дело строительства Национального Олимпийского Комитета, избирается в состав его первого президиума.

Вспоминает Нона Гаприндашвили, пятикратная чемпионка мира по шахматам, первый президент НОК Грузии: «К счастью, мое поколение насчитывает много великих спортсменов. Среди них – одна из блестящих звезд Важа Качарава. В Олимпийском Комитете мне довелось работать с ним на протяжении ряда лет. Вы знаете, в каких трудных и сложных условиях нам приходилось делать первые шаги. Шел чрезвычайно сложный процесс становления. Мы имели много явных и тайных врагов, которые скрытно или открыто боролись с нами. Государство и минимально не помогало. Мы на своих плечах вынесли период купонов. В это время большую помощь нам оказывала эрудиция и принципиальность Важа Качарава. Выдвигаемые им вопросы всегда отличались актуальностью, при этом предлагались простые пути выхода из сложных ситуаций. Он не только великий спортсмен, но и великий человек, который для достижения цели борется исключительно честными путями».

Так говорит королева шахмат о Важа Качарава, человеке спорта, которому он посвятил свою жизнь – жизнь борьбы и побед, кавалере орденов Вахтанга Горгасала II степени, Чести и НОК Грузии. По заслугам и честь.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Сад дворца наместника Кавказа. 19 в.

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

К 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ

Открывая эту сололакскую страницу, давайте, вспомним, какими только домашними именами не называли друг друга в семьях на столь далеких от Куры невских берегах. А конкретно – в семьях династии, которая ровно 400 лет назад пришла к управлению Россией и с годами сыграла решающую роль в судьбах соседних стран.

По дворцовым залам, паркам и будуарам царского Дома Романовых ходили Фрике (Екатерина II), Никс и Никки (Николай I и Николай II), Бланш Флер и Аликс (их жены, полные тезки – Александры Федоровны), Бэби и Мэри (дети последнего российского императора Алексея и Мария), Джорджи и Милый Флоппи (его братья

Георгий и Михаил)... По-домашнему называли Романовы даже венценосную европейскую родню. Великая английская королева Виктория была попросту Гранни, а германский император Вильгельм II – дядей Вилли. Конечно же, имели свои прозвища и многочисленные великие князья, тоже на европейский или уменьшительный русский лад. Но за всю историю династии лишь двое из этих ближайших императорских родственников в семье носили грузинские имена – Сандро и Гоги. Что вполне естественно – они родились и провели юность в Грузии.

Первый из них, великий князь Александр Романов – создатель военной авиации и один из реформаторов

▲ Великий князь Александр Михайлович (Сандро)

военного флота России – оказался еще и блестящим писателем. Увы, широкой читательской аудитории он не известен, но ведь не зря книгу его воспоминаний опубликовали в 1930-х годах нью-йоркское издательство «Феррер и Рейнхерт» и знаменитый парижский эмигрантский журнал «Иллюстрированная история». Так что, Александру Михайловичу – самое место на литературной странице. Тем более, что его слогу и образности, честности и юмору могут позавидовать многие профессиональные литераторы. Так что, через ворота на тогдашней Лабораторной (ныне Ингороква) улице в Сололаки мы отправляемся во Дворец наместника на Кавказе (сегодня – Дворец учащейся молодежи), в котором скоро завершится перестройка и расширение. В должности наместника – великий князь Михаил Николаевич, брат царя. И в одной из дворцовых спален супруга дарит ему четвертого сына. Впрочем, предоставим самому Сандро – внуку Николая I – право рассказать о своем появлении на свет. Уверяю, вы об этом не пожалеете.

«Ее Императорское Высочество великая княгиня Ольга Федоровна благополучно разрешилась от бремени младенцем мужского пола, - объявил 1-го апреля 1866 года адъютант великого князя Михаила Николаевича..., вбегая в помещение коменданта тифлисской крепости. - Прошу произвести пушечный салют в 101 выстрел!» «Это даже перестает быть забавным, - сказал старый генерал, сумрачно глядя на висящий перед ним календарь. - Мне уже этим успели надоест за все утро. Забавляйтесь вашими первоапрельскими шутками с кем-нибудь другим, или же я доложу об этом Его Императорскому Высочеству». «Вы ошибаетесь, Ваше Превосходительство, - нетерпеливо перебил адъютант, - это не шутка. Я иду прямо из дворца и советовал бы вам исполнить приказ Его Высочества немедленно!» Комендант пожал плечами, еще раз кинул взор на календарь и отправился во дворец проверить новость.

Полчаса спустя забухали орудия, и специальное сообщение наместника оповестило взволнованных грузин,

армян, татар и других народностей Тифлиса о том, что новорожденный великий князь будет наречен при крещении Александром в честь его царственного дяди – Императора Александра II.

2-го-апреля 1866 года, в возрасте 24 часов от роду, я стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона Императорской фамилии, офицером гвардейской артиллерийской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии. Красавица мамка должна была проявить всю свою изобретательность, чтобы угомонить обладателя всех этих внушительных рангов».

Мальчика сразу же стали называть на грузинский лад – Сандро, а сам он, повзрослев, вспоминает первые годы своей жизни в родном Тифлисе как «радости беззаботного детства». Правда, с семи до пятнадцати лет он живет уже другой жизнью – той, которую предписывали семейные традиции воспитания, значительно отличавшиеся от привычек богатых тифлисцев. Дети наместника спят не на мягчайших восточных ложах, а «на узких железных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски». Подъем в шесть утра, после молитвы на коленях – холодная ванна и завтрак «из чая, хлеба и масла... чтобы не приучать к роскоши». А затем – семь часов занятий с домашними педагогами, да еще уроки гимнастики, фехтования, обращения с огнестрельным оружием, верховой езды, штыковой атаки и... артиллерии. Так что, Сандро признается: «В возрасте десяти лет я мог бы принять участие в бомбардировке большого города». И уж совсем не соответствуют тифлисскому отношению к детям лишение сладкого из-за ошибки в иностранном слове и стояние «на коленях носом к стене в течение целого часа» из-за ошибки в математической задаче. Согласитесь, что сегодняшние «сильные мира сего» создают для своих чад совсем иные условия воспитания... Но все это, как говорится, внутреннее семейное дело – «все монархи Европы, казалось, пришли к молчаливому соглашению, что их сыновья должны быть воспитаны в страхе Божиим для правильного понимания будущей ответственности пред страной». Зато сам Тифлис, чуждый великодержавным условиям, баловал, привлекал, очаровывал, не мог не влюбить в себя. И опять-таки, никто не расскажет об этом лучше, чем сам Сандро Романов.

«Окна кабинета выходили на Головинский проспект... Мы не могли насмотреться на высоких, загорелых горцев в серых, коричневых или же красных черкесах, верхом на чистокровных скакунах, с рукой на рукояти серебряных или золотых кинжалов, покрытых драгоценными камнями. Привыкнув встречать у отца представителей различных кавказских народностей, мы без особого труда различали в толпе беспечных персов, одетых в пестрые ткани и ярко выделявшихся на черном фоне одежд грузин и простой формы наших солдат. Армянские продавцы фруктов, сумрачные татары верхом на мулах, желтолицые бухарцы, кричащие на своих тяжело нагруженных верблюдов, - вот главные персонажи этой вечно двигавшейся панорамы. Громада Казбека, покрытого снегом и пронизывавшего своей вершиной голубое небо, царила над узкими, кривыми улицами, которые вели к базарной площади и были всегда наполнены шумной толпой. Только мелодичное журчание быстрой Куры смягчало шумную гамму этого вечно кричащего города».

Знакомство с жизнью Тифлиса, любовь к нему – «беспечное счастье» для всех сыновей наместника. Беспечное настолько, что может довести даже до кра-

▲ Сандро, Никки и Ксения

молы: «Мы любили Кавказ и мечтали остаться навсегда в Тифлисе. Европейская Россия нас не интересовала. Наш узкий, кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.-Петербурга. Российский монарх был бы неприятно поражен, если бы узнал, что ежедневно от часу до двух и от восьми до половины девятого вечера пятеро его племянников строили на далеком юге планы отделения Кавказа от России. К счастью для судеб Империи, наши гувернеры не дремали, и в тот момент, когда мы принимались распределять между собой главные посты, неприятный голос напоминал нам, что нас ожидают в классной комнате неправильные французские глаголы».

А еще Грузия дарит Сандро счастье от пребывания в Боржоме. Вот уж, воистину, не было бы счастья, да... На этом курорте мальчик заболевает скарлатиной, родители должны ехать в Петербург – их ждет император, и с больным остаются несколько придворных. Шесть недель они балуют подопечного, военный оркестр близ дома играет его любимые мелодии. Но и это еще не все: «Множество людей, проезжавших Кавказ, посещали Боржом, чтобы навестить больного сына наместника, и большинство из них приносили мне коробки с леденцами, игрушки и книги приключений Фенимора Купера. Доктор, графиня Алопеус и кн. Меликов охотно играли со мной в индейцев. Вооруженный шашкой адъютанта, доктор пытался скальпировать объятую ужасом придворную даму, которая, исполняя порученную ей роль, призывала на помощь бесстрашного «Белого Человека Двух Ружей». Последний, опершись о подушку, прицеливался в ее мучителей...» И, конечно, спасал благородную даму.

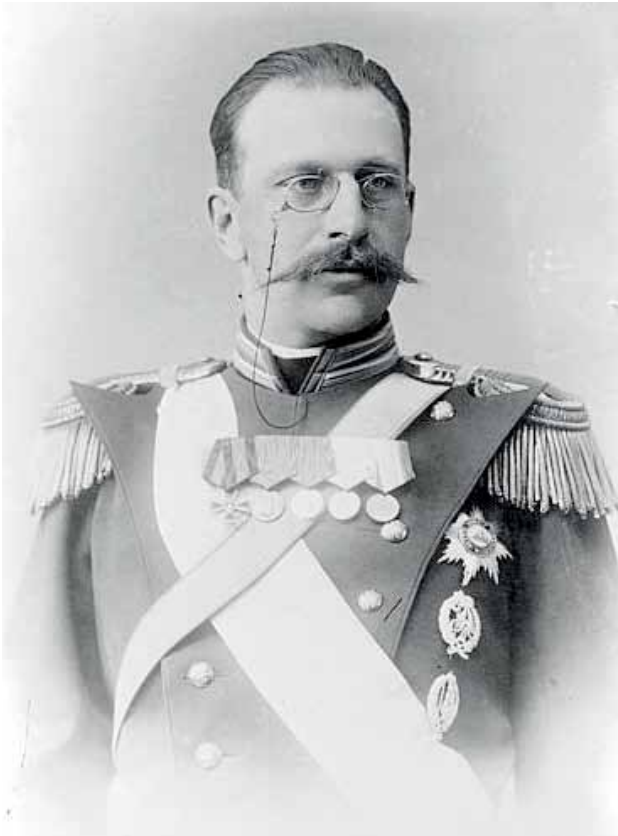
А после выздоровления – пикники, поездки в лес, в горы и никаких уроков – все наставники уехали в Петербург! Ну, как еще может мальчик, влюбленный в красо-

ты грузинской природы, отреагировать на все это, если не следующим образом: «Возвратившись в Тифлис, я рассеянно слушал оживленные рассказы моих братьев. Они наперебой восхищались роскошью Императорского дворца в С.-Петербурге, но я не променял бы на все драгоценности российской короны время, проведенное в Боржоме. Я мог бы им рассказать, что в то время, как они должны были сидеть навтыяжку за Высочайшим столом, окруженные улыбающимися царедворцами и подобострастными лакеями, я лежал часами в высокой траве, любясь цветами, росшими красными, голубыми и желтыми пятнами по горным склонам, и следя за полетами жаворонков, которые поднимались высоко вверх и потом камнем падали вниз, чтобы посмотреть на свои гнезда. Однако я смолчал, боясь, что мои братья не оценят моего простого счастья».

Сандро впервые ненадолго покидает Грузию в девять лет, в 1875-м семья едет в крымское императорское имение. В Ялте гостей встречает и сопровождает до знаменитого дворца в Ливадии лично Александр II, в шутку заявивший, что хочет видеть самого дикого из своих кавказских племянников. На мраморной лестнице, ведущей к морю, «дикий кавказец» встречает мальчика на пару лет моложе себя и няню с ребенком на руках. Мальчик протягивает руку: «Я твой кузен Никки, а это моя маленькая сестра Ксения». Так начинается теснейшая дружба, длившаяся сорок два года. Сандро вспоминает: «Я часто не соглашался с его политикой и

хотел бы, чтобы он проявлял больше осмотрительности в выборе высших должностных лиц и больше твердости в проведении своих замыслов в жизни. Но все это касалось «Императора Николая II» и совершенно не затрагивало моих отношений с «кузеном Никки». Кстати, эти два близких друга внешне очень похожи... Что же касается девочки Ксении, то, когда ей исполнится двенадцать лет, Сандро женится на ней. Первым среди Романовых нарушив закон, предписывавший членам царствующего дома вступать в браки только с равными по крови представителями иностранных династий. А их

▲ Великий князь Георгий Михайлович (Гоги)

первая дочь Ирина станет женой князя Феликса Юсупова, той самой красавицей, из-за которой попадет в смертельную ловушку Григорий Распутин.

Через три года – первое путешествие в Европейскую Россию: «Не отрываясь от окна вагона, я следил за бесконечной панорамой русских полей, которые показались мне, воспитанному среди снеговых вершин и быстрых потоков Кавказа, однообразными и грустными. Мне не нравилась эта чуждая мне страна, и я не хотел признавать ее своей родиной. В течение суток, по нашем выезде из Владикавказа (до которого мы добрались в экипажах), я видел покорные лица мужиков, бедные деревни, захолустные, провинциальные города, и меня неудержимо тянуло в Тифлис обратно». Еще пара лет – и первый выезд за границу, на родину матери в немецкий Баден. И вновь Сандро не надо никаких краев кроме Грузии: «В течение четырех месяцев тысячи верст будут отделять нас от нашего любимого Кавказа. Напрасно я пробовал прибегнуть ко всевозможным хитростям, чтобы остаться в Тифлисе, мои родители не хотели считаться с моими желаниями».

Но какова бы ни была любовь к Грузии, к ее столице, член царствующей семьи не может, не должен подчиняться своим детским и юношеским привязанностям. И в 1881-м великий князь Александр Михайлович навсегда покидает свой любимый край. Он совершит кругосветное путешествие, предскажет русско-японскую войну, будет сражаться на море и восстанавливать флот, руководить Советом торгового мореплавания, создаст авиационные школы и войдет в Кабинет министров, в Первую мировую войну возглавит морскую и полевую авиацию, чудом избежит гибели после революции. И до самой смерти во французском Рокебрюне будет вспоминать тифлисскую пору как самую счастливую в своей жизни. А еще надо прочесть, как он писал о смерти одного из царских братьев – «бедный Георгий умер от

скоротечной чахотки у нас под Боржомом». Не правда ли, это местоимение «у нас», вполне естественно пришедшее на ум через более чем полвека расставания с Грузией, свидетельствует о многом?

А теперь – о другом Георгии, родном брате Сандро. Именно он – второй великий князь, которого в августейшем семействе называли грузинским именем. Судьба Гоги не менее интересна, но более трагична. Он был старше Сандро на три года, тоже родился в Грузии, но не в Тифлисе а в поселке Белый Ключ (ныне – Тетрицкаро). Как и все в семье наместника, прожившей на Кавказе почти двадцать лет, он обожает край, в котором появился на свет. Мальчик очень любит рисовать и однажды, за торжественным столом, перед гостями, робко говорит о том, что хотел бы стать художником-портретистом. Как вспоминает его брат Сандро, эти «слова были встречены зловещим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда камер-лакей, обносивший гостей десертом, прошел с малиновым мороженым мимо его прибора». Ничего не напишешь – членам императорской семьи уготовано только военное поприще, не случайно, уже в семь лет у Георгия – чин прапорщика. И, став юношей, вымахав ростом под два метра, он собирается служить в Грузинском гренадерском полку, квартирующем в Тифлисе. Тем более, что именно в этом городе он безумно влюбляется в грузинскую княжну, которую зовут... Нина Чавчавадзе. Она – тезка и родственница той самой легендарной Нины, жены Грибоедова. Но свадьба срывается, и отнюдь не по вине Романовых – родные Нины не хотят, чтобы представительница знатного грузинского рода оказалась в иерархическом подчинении у немецких родственников императрицы.

Когда семья уезжает из Грузии, Гоги становится офицером лейб-гвардии Конной артиллерийской бригады, и, попав под влияние одного из великих князей, «находит удовлетворение от жизни в атмосфере манежа, лошадей и кавалерийских офицеров». Однако и военная карьера не складывается – молодой человек повреждает ногу. Это огорчает всех, кроме него самого – из Грузии он привез увлечение нумизматикой и историей, его коллекции монет нет равных в России. Для пополнения коллекции он не жалеет никаких денег, его монографии на эту тему издаются даже по сей день. И – уникальный случай! – все Романовы единодушно поддерживают такое увлечение великого князя. В 1909-м император назначает Гоги директором только что основанного Музея Александра III (ныне – Русский музей), предоставив все права для пополнения собрания картин и уникальных раритетов. Большую часть своей ценнейшей коллекции монет Георгий Михайлович передает этому музею, а каковы были ее экспонаты, мы поймем, заглянув уже в 2008 году на аукцион в Лондоне. На нем лишь одна монета из этой коллекции продается за 3 миллиона долларов – мировой рекорд «для неамериканской монеты». Ну, а в личной жизни Гоги долго не везет. Неудачна и вторая попытка жениться – на внучке английской королевы. И лишь в тридцать семь лет он женится на греческой принцессе Марии. Первую дочку называет, конечно же, Ниной...

Руководство музеем и научную работу Георгий Михайлович совмещает с дипломатической и военной деятельностью, в Первую мировую войну становится генерал-инспектором при ставке Верховного главнокомандующего. И, изучив положение дел в войсках, делает изумивший царя вывод: революция в России неизбежна, если не принять Конституцию и не даровать демо-

кратические свободы. В ответ Николай II отправляет его в очередную инспекционную поездку. Но предсказание Гоги сбывается. И, с падением монархии, и его самого, и детище всей его жизни ждет гибель. Уникальная нумизматическая коллекция частью распродается, частью идет на переплавку. А Георгий Михайлович вместе с братом Николаем, получившим в Тифлисе прозвище Бимбо, оказывается в заложниках у большевиков. С ними еще несколько великих князей, не «тифлисской» ветви.

Красный террор начинается в августе 1918-го, после убийства главы Петроградской ЧК Урицкого и ранения Ленина. В газете «Северная Коммуна» мы можем увидеть «1-й список заложников», возглавляемый великими князьями. Следующий документ датирован 9 января 1919 года – Президиум ВЧК утверждает уже заранее вынесенный смертный приговор. Краткий протокол всего из нескольких строк страшен: «Слушали: Об утверждении высшей меры наказания чл. быв. императорск. - Романовск. своры. Постановили: Приговор ВЧК к лицам, быв. имп. своры – утвердить, сообщив об этом в ЦИК». Правда, тут хорошо налаженная чекистская машина уничтожения может забуксовать: Бимбо – брат Гоги и Сандро, еще в Тифлисе увлекшийся историей, - всемирно известный ученый. Он возглавлял в России Историческое и Географическое общества, Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины. Да еще активно участвовал в «великокняжеской фронде» - будучи горячим поклонником парламентаризма, критиковал самодержавие и сразу же признал Временное правительство.

Так что, после вынесения ему смертного приговора, в ужас приходят члены Академии наук и Максим Горький. Они просят Совнарком и лично Ленина освободить

▲ Великий князь Николай Михайлович (Бимбо)

оппозиционного царизму ученого. Но в протоколе заседания Совнаркома, под председательством Ленина 16 января рассматривавшего это ходатайство, мы прочтем еще одну потрясающую фразу: «Революции историки не нужны!» И чекисты дают исчерпывающий ответ: «Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Совете Коммун Северной Области полагает, что не следовало бы делать исключения для бывшего великого князя Н.М. Романова, хотя бы по ходатайствам Российской Академии Наук». Есть еще и другая, не документированная версия – Ленин сделал вид, что соглашается с Горьким, но обманул его. Не в первый и не в последний раз...

Как бы то ни было, оказывается, что революции не нужны не только историки, но и коллекционеры, да и вообще вся «бывшая императорская свора». Несмотря на то, что никто из этих заложников не воевал в белой армии, не готовил контрреволюционные заговоры, не вывозил ценности за рубеж. Георгия и Николая Романовых, счастливое детство которых прошло у сололакских склонов, расстреляли морозной ночью в Петропавловской крепости, вместе с их родственниками. Бимбо упал первым, Гоги добивали в могиле...

А судьба сделала удивительный, уже посмертный поворот в истории Георгия Михайловича. Его дочь Нина через три года после гибели отца, вышла в Лондоне замуж за грузинского князя по имени Павел и по фамилии... Чавчавадзе. Так что, Нина Чавчавадзе в роду Гоги все-таки оказалась. Ну, а приглядевшись к тому, как продолжается род его брата Александра, мы увидим: большинство членов царского Дома Романовых, живущих сейчас в самых разных странах, - потомки именно Сандро, родившегося в Тифлисе.

На какие, все же, удивительные дороги выводят сололакские улочки...

Владимир ГОЛОВИН

▼ Дочь Гоги – Нина с супругом Павлом Чавчавадзе

ჩხაიძის ჩხავერი

მუხრანის ჩინური

კახური მუსკატი

სვინის ციცვა

ცაბერის ცოლიკაური

პრემიუმ კლასის
იზვიათი ქართული
ღვინის კოლექცია

2012

Special collection of
Premium Quality
Georgian Wine

კახური ტრადიციული მეღვინეობა

www.ktw.ge

▲ Ирина Квижинадзе

ВЫХОЖУ НА СЦЕНУ

Заслуженная артистка Грузии Ирина (Ираида) Квижинадзе – яркая, эмоциональная, заразительная актриса с интересной внешностью (не случайно в свое время сыграла красавицу Наталью Гончарову). Будучи любимицей публики, способна завести любой зал. Поэтому ее сценическим созданиям неизменно сопутствует зрительский успех. Одну из своих лучших ролей Ирина сыграла сравнительно недавно – в спектакле «Кастинг» Н.Квижинадзе. История, рассказанная в нем, типична для многих актрис – вне времени и пространства. Так изначально было задумано создателями спектакля. В конце концов, кто из актрис не переживал смерть близких, измену возлюбленных, интриг соперниц и одиночество старости? Через все эти испытания проходит и героиня Ирины Квижинадзе.

На сцене мы видим немолодую, чудаковатую женщину, которая не прошла кастинг – забраковали. Чтобы получить роль, она пытается «тряхнуть стариной», но мешают возрастные хвори. А как красиво начинался ее путь в Театре! Мечтательная девушка с ходу влюбилась в актера, игравшего Ромео. Но очень быстро развенчала своего кумира: герой-любовник в жизни оказался потрепанным пьяницей. Между этими двумя женщинами – юной и пожилой – долгий-долгий путь. И на этом

пути – роли, роли, роли... Потери и обретения. Звездный дебют – гетевская Маргарита. А потом – Мария Стюарт, Медея, цвейговская Незнакомка, Нефертити, Гамлет и даже цирковой клоун. Все они оживают на сцене – в воспоминаниях Актрисы, ее ностальгии по прошлому, когда Маэстро был еще к ней благосклонен, когда она была в зените славы, и даже политики, делавшие карьеру, искали ее расположения и поддержки.

Для любого актера жанр моноспектакля – это своего рода экзамен, проверка на профессионализм и творческую зрелость. Ирина Квижинадзе, ведущая актриса театра имени А.С. Грибоедова, в творческой биографии которой немало интересных, ярких образов, проживает жизнь своей героини на одном дыхании, не жалея психологических красок и эмоций. Работает в режиме нон-стоп...

- В моноспектакле «Кастинг» вы играете самых знаменитых героинь мирового театрального репертуара.

- Да, «Кастинг» - возможность что-то сделать чисто актерски. Мне это удалось не так легко. Было мало времени, недостаточно прогонов. Поэтому когда я вышла на премьеру, моя роль была еще сыроватой. Сейчас спектакль совершенно другой. Между прочим, раньше существовал негласный закон: друзей, знакомых при-

глашали только на десятый спектакль. Он был уже апробирован на публике и считался законченным. Конечно, сейчас мне уже доставляет удовольствие выходить на сцену в этом спектакле. Правда, физически играть «Кастинг» достаточно сложно, но я этого не замечаю, потому что идет импровизация, появилась легкость.

- *Эта работа для вас и какая-то творческая компенсация: несыгранные роли вы представили, пусть фрагментарно, в спектакле «Кастинг» - Медея, Мария Стюарт, Незнакомка Стефана Цвейга...*

- Да, поэтому для меня «Кастинг» - очень дорогой спектакль. Жаль только, что это так поздно случилось. Дай Бог, чтобы я могла его играть еще хотя бы год-два, учитывая огромную физическую нагрузку. Хотя некоторые актрисы МХАТа до 90 лет работали в театре – выходили на сцену, да еще в каких ролях! Тогда был актерский театр. Увы, сегодня стирается актерская индивидуальность. Нет в этом заинтересованности. Хотя, как мне кажется, режиссура – это возможность открыть в артисте что-то новое. В этом и заключается главный интерес режиссерской профессии – вот он это сыграл, а сможет ли сыграть что-то другое?

▲ «Сорок первый»

- *А какие режиссеры помогли вам раскрыться, показать себя?*

- Многие, начиная с Михаила Туманишвили и Додо Алексидзе. У Михаила Туманишвили еще в институте я сыграла интересную роль в трагикомедии «Похождения зубного врача» А.Володина. У Додо Алексидзе – две роли в спектакле «Васса Железнова» Горького. Михаил Туманишвили работал в те годы еще в театре Руставели, у него был трудный период – он собирался уйти из этого театра. С нами, студентами третьего курса, он и сделал дипломный спектакль «Похождения зубного врача». Михаил Иванович сразу полюбил меня как актрису. Женя Гинзбург, он учился на режиссерском, и я сыграли в этом спектакле влюбленную пару. В постановке была затронута тема предательства – как ученики предадут своего учителя. В тот период она была для Туманишвили очень актуальной. У Гиги Лордкипанидзе уже в театре Грибоедова я сыграла роль Натальи Гончаровой в спектакле «Шаги командора» В.Коростылева. Работа с этим замечательным режиссером тоже оставила след в моей памяти. У Александра Товстоногова я сыграла Елену в

спектакле «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Роль была потрясающая! Когда театр возглавлял Гизо Жордания, мне доверили роль Марютки в спектакле «Сорок первый» Б.Лаврениева, запомнились также работы в спектаклях «Утешитель вдов» Б.Рандоне, Д.Маротта, «Ловушка» Р.Тома, «Восточная трибуна» А.Галина... Конечно, ролей все равно было недостаточно. В театре работало много талантливых актрис, не могли же на всех каждый год новый спектакль ставить? Я много сыграла, но еще больше так и осталось в мечтах. Впрочем, актер, как правило, не удовлетворен, ему всегда хочется играть еще и еще. Я много страдала, плакала перед доской, где висело распределение ролей на очередную постановку. Особенно когда понимала, что могла бы сыграть в спектакле, но, увы, не получила роли. Судьба актера чаще всего драматична, подчас трагична. Но она не зависит от степени одаренности. Главное – везение. Поэтому что я знаю много талантливых людей, которые так и не пробилась. И кто-то даже погиб из-за этого. Именно поэтому я никогда не хотела, чтобы кто-то из моих близких шел работать в театр, никогда! И сама, если бы пришлось прожить жизнь заново, ни за что не пошла бы в актрисы. Актеры – очень зависимые и ранимые люди. Я давно поняла, что, помимо способностей, нужен еще и характер. Надо работать локтями, а я этого никогда не умела. Мой педагог по сценической речи, старейшая актриса театра Грибоедова Екатерина Сатина, говорила: какой бы талантливой актрисой ты не была, в театре у тебя еще должна быть твердая натура, которая не сломается. А тут малейшая проблема, и у меня опускаются руки, я теряю веру в себя. Я еще практически ни разу не сказала себе: «Ах, как я сегодня довольна своей игрой!» Это бывает очень-очень редко, да и бывает ли? Уходя со сцены, я обычно сетую: «Ну почему я сделала так, а не по-другому?» И испытываю при этом острое чувство неудовлетворенности. Единственный момент, когда я ощущаю себя иначе – когда выхожу после спектакля на сцену и слышу аплодисменты. В эти мгновения я понимаю, что зрители мне благодарны, значит, я сделала нечто такое, что доставило людям удовольствие. Но вот захожу в гримерку, и начинается самоедство: «Не то сказала, не так повернулась!» И все равно сцена притягивает, все равно этим хочется заниматься, разочаровываться, страдать, умирать и воскресать вновь. Конечно, очень жалею, что в свое время не пошла в режиссуру. Мне предлагали это, когда я оканчивала институт. Педагоги очень любили всю нашу группу – у нас было много талантливых ребят. Я это стала понимать только со временем. Когда институт был уже для нас позади, ректор Этери Гугушвили говорила: «Скучно стало, когда ушла русская группа!» Мы, кстати, были первым русским курсом, открытым в Театральном институте.

- *А почему вы все-таки не пошли в режиссуру?*

- Из-за собственной глупости. Я уже была в театре Грибоедова, и Этери Гугушвили уговаривала меня: «Ира, приходи, посадим сразу на второй курс!» Нет, что вы! Я хотела быть актрисой, только актрисой! А можно было в театре работать и заочно окончить режиссерский, чтобы получить диплом. И еще получить знания, ведь в вузе тогда работали прекрасные педагоги!

- *Вернемся, если позволите, к «Кастингу». Мария Стюарт, которую я увидела в «Кастинге», - на мой взгляд, ваша роль.*

- Еще Екатерина Сатина поручила мне в институте диалог Марии Стюарт и Елизаветы. Я еще девчонкой играла это с большим удовольствием.

- *Была у вас в творческой биографии одна масштабная роль, которую вы сыграли всего несколько раз – Екатерина Великая.*

- Мне очень больно об этом вспоминать. Очень. Для меня судьба этого спектакля – большой удар. Моя Екатерина могла вырасти в очень интересную работу.

- *Доставляет ли вам удовольствие выходить в совер-*

▲ «Нелетная погода»

шенно других по характеру ролях – Свахи в «Женитьбе» Н.Гоголя и матери Вани Шишкова в спектакле «Достоевский.ru»?

- Конечно, я люблю играть характерные роли. Я за них очень благодарна и Авто Варсимашвили, и Андро Енукидзе. Я даже не знала, что могу играть острохарактерные роли старух. Интересно работать и в спектакле «Английский детектив» в постановке Вахо Николава.

- Вы честолюбивы?

- Я практически никогда не читала и не собирала статей о себе.

- Каково было работать с братом – автором пьесы и режиссером-постановщиком Никой Квижинадзе?

- В процессе работы, случалось, ругались. Ника всегда обожал театр, вырос в кулисах, любил актеров. Давно хотел со мной поставить спектакль, еще в молодости мы даже что-то репетировали, эмоционально спорили, но всерьез друг на друга не обижались. У нас всегда было взаимопонимание – как и с другим братом, Зауром Квижинадзе. Ника и Заур – талантливые люди. Они могли связать свою жизнь с театром, но, увы, судьба распорядилась иначе... Я очень благодарна своим братьям. Они очень помогли моей работе в московской Детской школе искусств – писали и пишут пьесы-сказки с интересным сюжетом, яркими образами. Эти произведения учат добру, любви. Хочу отметить, что мои спектакли по пьесам Заура и Ники занимали первые места на конкурсах. Кстати, Заур работал в театре Грибоедова завлитом и вспоминает эти годы как самые счастливые в своей жизни.

- Все Квижинадзе – творческие люди...

- Это у нас от бабушки. Еще в дореволюционную эпоху бабушка, будучи врачом, в течение двадцати лет играла в народном театре. Мама тоже была очень увлечена сценой. В те годы были модны народные театры, где бы мы ни жили. Мама в те годы, конечно, не могла пойти учиться: жилось тяжело, нужно было работать. И мама всю жизнь страдала от того, что не пошла в театральный. Мы приехали в Грузию, когда я только окончила десятилетку. Мама меня заставила поступить в педагогический институт на филфак. И когда я уже заканчивала вуз, в театральном открылся русский сектор. Но я не могла туда пойти, потому что мне оставался еще год обучения в пединституте. Однако когда я все-таки пришла в театральный, меня сразу взяли на второй

курс. Так что я проучилась всего три года... А о том, что окончила филфак, никогда не жалела. Ведь я там проходила философию, психологию, изучала другие науки, и это мне в дальнейшем очень помогло. Именно в те годы я прочла большое количество литературы.

- Ваши любимые партнеры.

- Я люблю всех партнеров, с которыми доводилось работать. Среди них – Борис Казинец, Валерий Харютченко, Михаил Амбросов. Часто вспоминаю Джемала Сихарулидзе, с ним я играла в «Ловушке», в «Вишневом саде»...

- Последняя ваша роль перед отъездом в Москву – Раневская.

- К сожалению, это был ввод. Я была назначена Гоги Кавтарадзе сразу на две роли – Вари и Раневской. Раневскую в первых спектаклях сыграла Нелли Килосанидзе, а я вышла в роли Вари. Я очень любила эту свою работу. А потом Килосанидзе уехала в Москву, и, конечно, в новом сезоне сразу ввели на роль Раневской меня. Причем за очень короткий срок – за неделю. Конечно, я и до этого думала о своей роли, поскольку была назначена. И текст учила. Но я не репетировала... И, по моему, моя роль была в итоге недоделана. Очень обидно... Да, зритель принял мою работу хорошо, но я очень

▲ «Чудная баба... Ехай!»

страдала. Времени было мало, спектакль шел один-два раза в месяц. А потом я тоже уехала в Москву и не успела реализовать задуманное, довести роль до совершенства. Когда тыходишь в готовый спектакль, то не можешь ничего поменять ни в мизансценах, ни в чем-либо другом. Многое мне было непонятно. А от меня, между тем, зависели партнеры, которые уже были в этой системе координат. Я была втиснута в определенные рамки, а ведь могла здесь так раскрыться! Собиралась по возвращении в Тбилиси обязательно сыграть Раневскую так, как мне хотелось. Но так больше эту роль и не сыграла – когда вернулась в Грузию, спектакль уже не шел... Я очень благодарна Николаю Свентицкому и Авто Варсимашвили за то, что они пригласили меня в театр и дали возможность работать. Спасибо Николаю Николаевичу за детскую студию «Золотое крыльцо», которая является смыслом моей жизни, спасибо и Авто, доверившему мне интересные, яркие роли.

- Почему уехали в Москву?

- У нас сложились тяжелые семейные обстоятельства. Я была вынуждена уехать, нужно же было на что-то жить. Коля и Заур были в Москве, в театре не платили зарплату. А там у меня появилась работа...

- Какими для вас были годы, проведенные в Москве?

- Вначале было действительно очень тяжело. Кем я только в Москве не работала! И даже потом, через два года, когда я стала режиссером детской студии искусств, я продолжала еще ухаживать за тяжелобольными. Мне нужно было что-то заработать на квартиру, чтобы не занимать столько денег для оплаты наемной жилплощади.

- О вас говорят, что вы очень трудолюбивый и работоспособный человек.

- Это так. Но вдобавок я всегда была оптимисткой. Это мне помогало. В любых ситуациях я была легкая, жизнерадостная. Что бы со мной не происходило.

- Расскажите, пожалуйста, о ваших самых сильных театральных впечатлениях.

- На меня производят сильное впечатление все спектакли Виктюка. Потому что это – праздник! Я считаю, что Виктюк – один из талантливейших режиссеров. Ну и Петр Фоменко, конечно. Почти все спектакли. Я была с ним знакома, мы очень дружили. Фоменко так хотел, чтобы мы с ним встретились после долгого перерыва! Но не удалось, и сейчас я, конечно, очень сожалею об этом... Петр Наумович Фоменко – это был сплошной юмор! При всей своей тяжелой жизни, когда его не признавали, когда у него не было театра, хотя он был одним из талантливейших людей, он оставался жизнерадостным человеком. Никогда не возникало мысли о том, что у него что-то не в порядке. Тонко чувствующий человек... По-моему, на сцене Фоменко материализовал даже звуки, запахи. Когда смотришь его спектакли, ощущаешь эти запахи, как будто он это тоже ставил. Фантастика! Это был удивительный режиссер! Увы, сегодня пошла тенденция развлекать зрителя, и от этого, естественно, страдает искусство, беднеет репертуар. Классику превращают в фарс, каждый изощряется, как может, - кто во что горазд. В классике – вечные проблемы. Зачем мне Гамлет на тачке, если проблема, затронутая в трагедии Шекспира, существует и сегодня? Я и так пойму – на то она и классика. Как вечен человек – так вечны и его проблемы. А я хочу эстетический театр, хочу прийти на спектакль и увидеть красивые костюмы, красивых артистов, а не балаган. Я жила в Москве восемь лет и пересмотрела множество спектаклей. В принципе нет театра, в котором все спектакли сплошь гениальны. Обычно идешь или на актера, или на режиссера, или на пьесу. Очень мало спектаклей, которые интересны во всех отношениях, в которых все гармонично соединяется. Пришло новое время, и театр очень пострадал в этой неразберихе. Театральный зритель оскудел, мы его потеряли. Вернее, мы его не воспитали.

- А работа в театре-студии «Золотое крыльцо» приносит вам удовлетворение? Ведь вы работаете с ребятами самого трудного возраста. Как вам удается создавать с этими порой неуправляемыми подростками искусство?

- Только любовью. Я даже не подозревала, что очень люблю детей. Поняла это еще в Москве, когда была просто вынуждена работать с детьми. Тогда я еще даже не представляла, справлюсь ли с ними... И вдруг почувствовала, что очень люблю детей, легко нахожу с ними общий язык. Сейчас мне очень интересно с моими воспитанниками, и я нахожу в студии «Золотое крыльцо» не только какую-то отдушину, но и самореализацию. Когда что-то получается, у меня хорошее настроение, я просто счастлива! И мне хочется делать с этими ребятами все больше и больше, хотя, увы, не позволяет время – они все учатся, работают, безумно заняты. В моей студии 44 человека, и все очень заинтересованы в существовании «Золотого крыльца»... Студия многих очень изменила – это сейчас абсолютно другие люди. Мои дети никогда не пойдут на улицу, не будут грубить старшим. Они уже знают творчество Пушкина,

▲ «Доходное место»

Лермонтова, Чехова, Горького. Не говоря уже о том, что теперь они имеют представление о том, что такое театр. Это благое дело! Мальчишки 14-16 лет говорят мне вполне искренне: «Если не будет театра, я, наверное, умру!» Молодежи некуда деться, и здесь они находят то, что им на самом деле нужно и интересно. Сегодня мне уже легче, потому что рядом со мной не только юные артисты, но и повзрослевшие студийцы. Они уже многое понимают, нестандартно мыслят. Когда мы начинали работать над «Демоном», ребята вообще не знали этого произведения. В процессе же репетиций «Демон» навел их на какие-то размышления, они даже стихи на эту тему написали. Мне их так жалко, когда подумаю, что неизбежно когда-нибудь оставлю это дело – год-два, и все!

- Почему такой короткий срок себе определяете?

- Потому что годы-то идут... Дай Бог здоровья! Физически, конечно, устаю. Но чувствую, что если я своими ребятами что-то даю, то и они мне продлевают жизнь. Кстати, мне всегда очень помогает в работе сын Саша – это было и в Москве, и в Тбилиси. Он великолепный звукорежиссер, хорошо чувствует сцену, актеров. У него обнаружили прекрасные данные для этой работы. Я очень благодарна и хореографам Гураму и Давиду Метревели, а также композитору Тенгизу Джаиани – они много делают для того, чтобы спектакли студии были яркими и интересными.

- Какова концепция вашей студии? Как вы строите репертуар?

- Главная моя задача – приобщение студийцев к большой литературе, к классике. Чтобы они имели об этом какое-то представление. Я часто обращаюсь к сказкам – ведь это детская студия. Но стараюсь не брать избитый материал. Хочу, чтобы мои воспитанники учились создавать разные образы, в разных жанрах – комедии, трагедии. Я поставила в театре-студии почти все рассказы Чехова. А сейчас буду делать «Идиота» Достоевского. Конечно, это будет на уровне детской студии, но я хочу, чтобы у моих ребят был и этот опыт.

- Вы обмолвились, что и сами развиваетесь... И как режиссер, наверное?

- Да, наверное. Но главное – с ребятами я все время в тонусе, обдумываю новые идеи. То, что не сыграла на сцене, проигрываю вместе с моими студийцами. Так что происходит процесс взаимообогащения.

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Павел Лисициан и Рафаэл Акопянц

ВЫБРАЛ МУЗЫКУ

Рафаэл Акопович Акопянц, профессор кафедры сольного пения Ереванской консерватории им. Комитаса, действительный член Международной академии по правам человека и охраны природы.

- Готовясь к интервью, я решила избежать традиционного начала – как вы стали музыкантом. Но, познакомившись, поняла, что этот вопрос не стоит обходить. Итак, с чего все началось?

- Мама моя хотела видеть меня скрипачом, хотя в то время более престижно было играть на фортепиано. Однажды, проходя мимо школы «особо одаренных детей», она увидела объявление о приеме и загорелась желанием перевести меня туда из обычной школы.

За два дня до начала приемных экзаменов я играл с сестрами в лапту. Шар закатился в подвал. Пытаясь его достать, я упал, и с рассеченной губой пришел на экзамен, где предстояло петь. Боль, которую я при этом испытывал, не помешала выдержать конкурс, но шрам остался на всю жизнь. Одновременно я поступил в футбольную школу.

Школа «особо одаренных детей» была элитарной, учеников привозили из дому на машинах, но это меня мало беспокоило – мы жили по соседству. Я оказался в окружении талантливых детей, которым предстояло сказать свое слово в искусстве – Константин Орбелян, Авет Тертерян, Александр Григорян (художественный руководитель Ереванского русского драматического театра), Полад Бюль-Бюль оглы, Фархад Бадалбейли. Я сразу сблизился с Муслимом Магомаевым. Его универсальная одаренность и самобытность природы высветились с начала учебы. Вместе мы смотрели новые фильмы, посещали концерты и оперные спектакли, не пропускали ни одной премьеры, ни одного гастролера. Дядя Муслима, Рамазан Халилов, воз-

главлял оперный театр, он сделал нас завсегдаемыми директорской логи. Другой дядя, Джемал Магомаев, член правительства, ездил в командировки и, возвращаясь, привозил нам подарки. Это были не только новейшие грамзаписи или ноты, но также модные сорочки и даже свитера. Дружба с Муслимом прошла через всю жизнь. Его вдова Тамара Синявская остается для меня близким и родным человеком. Ее выступления в Ереване даже в небольших ролях – Марины Мнишек или Ульрики в «Бал-маскараде» усилиями моих друзей становились поистине феерическими.

- Что послужило поводом для переезда в Ереван?

- Решающее значение имел первый Закавказский конкурс юных музыкантов, который в 1960 году состоялся в Баку. Вы, наверно, помните его тбилисских участников – Парис Димитриади, Александр Нижарадзе, Эльдар Исакадзе. Я был очарован игрой грузинских и армянских скрипачей, среди которых первый приз разделили Родам Джандиери и Ирина Яшвили. Я познакомился с юной Лианой Исакадзе (из-за возраста она выступала вне конкурса) и даже вступил с ней в переписку. Мое восхищение исполнителями, настойчивое посещение всех туров не остались без внимания. «Переезжай к нам», - уговаривали скрипачи из Армении. «Ну, я тебя жду», - сказал не терпящим возражений тоном Заре Саакянц, талантливый ученик Юрия Янкевича, перед обаянием которого никто не мог устоять, и эти слова подействовали на меня как гипноз. Немалую роль при этом сыграл мой бакинский друг Эрнест Аракелов, в настоящее время профессор Тбилисской консерватории. Он был старше меня, к тому времени уже жил в Ереване, и при встречах с восторгом говорил о своем профессоре Грачья Богданяне. И в июне, сдав экзамены, я поступил в Ереванскую музыкальную школу им. Чайковского. Дни

Закавказского конкурса связали меня прочной дружбой с замечательной семьей Заре Саакянца. Его дочь Сатеник, которую теперь все знают как Сати, выросла, можно сказать, у меня на глазах, и роман ее с Володей Спиваковым разворачивался в Ереване.

- *А как складывалась ваша спортивная жизнь?*

- К сожалению, ее пришлось прекратить, хотя успехи были. В новой музыкальной школе я ощутил серьезные пробелы в игре на скрипке, и, чтобы восполнить их, начал заниматься по 12-13 часов. На этом фоне состоялось мое выступление за сборную Армении, ставшее последним. Мама решительно заявила: «Все! Выбери: или, или...» Я выбрал музыку.

- *Вы отлично владеете игрой на рояле и уроки по вокалу проводите без концертмейстера. Где вы этому научились?*

- В Баку моим педагогом по общему фортепиано была Тамара Леоновна Мелик-Пашаева. Жизнь раз-

▲ С Нани Брегдадзе

лучила ее с сыном, который работал на Севере, и она свои материнские чувства перенесла на меня. Я пропадаю у нее целыми днями, иногда оставался ночевать. Без устали работая со мной, она обучила не только культуре игры, но и сложным техническим приемам. За короткий срок я одолел «Патетическую сонату» Бетховена, прелюдии Рахманинова.

- *А как вы стали певцом?*

- Свое призвание распознал не сразу. Слушая с детства оперные спектакли, не предполагал, что пение может стать моей профессией. Не думал об этом и тогда, когда, учась в десятилетке, Муслим настойчиво приобщал нас к исполнению оперных арий и ансамблей. Петь я любил, но насколько это глубоко и серьезно понял, когда заслужил одобрение Павла Герасимовича Лисициана. Только после этого решил поступить на вокальный факультет Ереванской консерватории. На третьем курсе был приглашен стажером в театр оперы и балета им. А.Спендиарова. За 25 лет работы в театре ни разу не заболел, не пропустил ни одного спектакля, имел в репертуаре свыше сорока главных ролей. Никогда не отказывался от эпизодических партий. Это способствовало беспрепятственному доступу ко всем спектаклям с гастролирующими артистами. Так состоялись перешедшие в многолетнюю дружбу встречи с

Зурабом Анджапаридзе, Нодаром Андгуладзе, Ириной Архиповой, Галиной Ковалевой – всех не перечислить.

- *Но со скрипкой вы не расставались?*

- В разное время я работал в составе первых скрипок ведущих оркестров – симфонического, оперного, радио. Был педагогом в музыкальной школе.

- *В прошлом году, выступая на вашем юбилее, Эльвира Узунян призналась, что начав работать в театре, долго не могла привыкнуть к вашей «двуликости», когда сценический партнер вдруг оказывался в оркестровой яме.*

- Не могу не вспомнить любопытный случай. Шла «Травиата». Я играл в оркестре. Перед последним актом ко мне подошел Тигран Левонян, баритон и главный режиссер театра. Ему предстояло исполнить роль доктора, в которой мы обычно выступали поочередно. «Выручай, друг, - попросил он, - выйди на сцену вместо меня, сегодня день рождения жены (Гоар Гаспарян. - М.К.)». Выполнить такую просьбу было несложно – на мне был фрак, а эспаньолка, которую к тому времени успел отрастить, вполне подходила к роли. «Ты только предупреди дирижера», - попросил я. Поднимаюсь на сцену и чувствую – антракт явно затягивается. Позже выяснилось, что Тигран не смог найти дирижера, и ушел. В это время Сурен Чарекян, замечательный дирижер и мой учитель по классу оперного пения, видя сиротливо лежащую скрипку, медлит, пытаясь уберечь меня от выговора. Наконец занавес поднимается, и не забуду изумление коллег. А вот и другой случай. Один из моих друзей должен был выступить в «Паяцах» в роли Тонио. В ночь перед спектаклем у него угнали машину, и на репетиции у него сорвался голос. Левонян объявил, что спектакль отменяется. Но, к изумлению всех, я объявил, что роль Тонио беру на себя. Это было более, чем смело: партию я знал лишь наполовину, а в остальном рассчитывал на слух и память. Но Левонян рискнул поддержать эту авантюрную идею. Спектакль был спасен, прошел с успехом, на следующий день мне объявили благодарность, и роль Тонио осталась в моем репертуаре.

- *Кто были вашими учителями по пению?*

- Более всего я обязан моим педагогам по оперному и камерному пению. Это Сурен Чарекян, который разучил со мной оставшуюся самой любимой в моем репертуаре партию Амонасро, и графа Ди Луна. Это Мариам Хачатрян, дочь великой певицы Айкануш Дanelян (заметьте, что «корни» этих музыкантов ведут в Тифлис). Она пробудила во мне вкус к исполнению новейшей музыки. Я был в числе первых, кто исполнил в Ереване камерные опусы Шостаковича, Кабалевско-

▼ С Паатой Бурчуладзе

го, Свиридова. Спел также романсы Александра Мелик-Пашаева на слова Ильи Эренбурга.

С другой стороны, активно шло самообразование, в чем большую роль сыграла кафедра концертмейстерского мастерства. Какое-то время я один обслуживал все классы камерного пения и, таким образом, освоил все баритональные партии и огромный камерный репертуар. Один из моих друзей, знаменитый артист армянского драматического театра Рафик Костанджян учился в Москве. Приезжая к нему, я оказывался в центре театральной жизни. Мы получали два билета на любой спектакль – отец Рафика был начальником Главлита. Навсегда остались в памяти два года стажировки в Москве на курсах театральных директоров. Утро начиналось с посещения оркестровой репетиции или хоровой спевки, чаще всего в Большом театре. Вечера же полностью отводились спектаклям драматических театров, где блистали Иннокентий Смоктуновский, Олег Табаков, Ирина Мирошниченко, Юлия Борисова и Юрий Яковлев, Светлана Немоляева и Армен Джигарханян, «Современник», Театр на Таганке. Иногда в течение вечера умудрялся побывать в четырех теа-

▲ С Зарой Долухановой

▲ С Гоар Гаспарян

трах, предварительно узнав, в каких спектаклях какие действия наиболее интересны.

- А как обстояло дело с изучением сольного пения?

Поначалу я был зачислен в класс Изабеллы Айдинян. Но настал момент, когда по некоторым причинам я стал негоден руководству. Но тут на совете выступила Гоар Гаспарян: «Как, с таким голосом?» Возразить ей никто не посмел. Спустя некоторое время в антракте между действиями «Отелло» она мне сообщила, что берет в свой класс. Надо сказать, что среди учеников Гоар Михайловны я стал ее первым партнером по сцене.

- Какое значение имели для вас занятия в новом классе?

- Ценным качеством Гоар Гаспарян было умение вырабатывать в ученике уверенность в своих силах. Благотворность этой методики не замедлила сказаться. Однажды на уроке по специальности вбежала се-

кретарша: «Гоар Михайловна, к вам направляется Лолита Торрес!» Лолита, кумир моего отрочества! И я смогу созерцать свой кумир воочию! «Что случилось, что за паника?», - сказала Гоар, - кто такая Лолита?» И вдруг обратилась ко мне: «Петь будешь ты! Выбери, что захочешь!» Я замер... «И помни, ты оказываешь ей честь!» Нужно ли говорить, какой поддержкой были эти слова? Почему-то я выбрал арию Алеко, над которой едва начал работать. Пение закончилось. Лолита дала мне два билета на концерт и поцеловала.

- Кто ваша любимая партнерша?

- Конечно, Эльвира Узунян.

- Какие контакты связывают вас с тбилискими коллегами?

- Истоки их уведут в юность. Моими друзьями были Эльдар Исакадзе, Илларион Чейшвили. Их уход из жизни переживаю как большое горе так же, как Гизи Амирэджиби, Важи Чачава, Нодара Андгуладзе. Большое значение в сближении артистов наших стран имели обменные гастроли театров. С удовольствием вспоминаю о приглашении в Тбилисскую консерваторию на выпускной экзамен вокального факультета председателем государственной комиссии. Время было тяжелое. Сложно было с жильем, его любезно предоставила сотрудница консерватории. Сложно было с выплатой гонорара, от него я отказался и попросил наградить соответствующей суммой двух студентов, отличившихся на государственных экзаменах.

- И в заключение: чем порадовали вас за последнее время ученики?

- Назову в первую очередь Арсена Согомоняна, солиста Московского музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. В скором будущем он выступит в готовящейся к постановке опере Россини «Итальянка в Алжире». Далее – Карен Хачатрян, солист оперного театра в Ростове. Он стал лауреатом международного конкурса в Гамбурге. Еще одна моя воспитанница, Тереза Геворкян, окончив Лондонскую Королевскую академию, приглашена на работу в оперную студию академии. Самая юная из моих учениц, 17-летняя Джульетта Алексанян – лауреат фестиваля «Дельфийские игры». Алина Пахлеванян стала солисткой Ереванского оперного театра и моим ассистентом на кафедре, назначена на роль Ануш в опере Армена Тиграняна.

Мария КИРАКОСОВА

▲ Сцена из спектакля «Примадонны»

СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ

На сцене театра им. Ш.Руставели вновь зазвучала русская речь. Но не в рамках театрального фестиваля или гастролей известных столичных коллективов. На этот раз перед грузинской публикой впервые предстал Новый экспериментальный театр (НЭТ) из Волгограда. Его создатель и вот уже четверть века бессменный художественный руководитель – наш соотечественник, уроженец Гори, народный артист России Отар Джангишерашвили, задумавший восстановить утраченные в последнее время традиции культурного обмена между Россией и Грузией. Как говорится, лиха беда начало. А продолжение последует точно – после того, как в Тбилиси увидели спектакли НЭТ, профессионалы не упустят возможности продолжить знакомство и наладить творческие связи.

Театр недаром называется экспериментальным – они здесь не иссякают. Это своего рода авторский, эксклюзивный театр со своей собственной структурой, стилистикой, режиссерской концепцией и актерской школой. Потому что Джангишерашвили един во всех лицах – он и директор, и художественный руководитель, и постановщик, и создатель актерской и режиссерской школы в Волгоградском театральном институте, выпускники его работают в разных театрах страны и постоянно пополняют труппу НЭТ. Этот театр первым в России перешел на контрактную систему, и молодое поколение здесь востребовано, ярко заявляет о себе.

Руководитель создал замечательный коллектив, где талант и профессионализм неразрывны. Недаром НЭТ внесен в Федеральный реестр «Всероссийская книга почета» и имеет много других званий и наград.

Гастрольных спектаклей в Тбилиси было всего два, но они настолько контрастны, что становится очевидным творческий диапазон театра. Первой была представлена историческая драма по трилогии А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис», где Джангишерашвили выступает как автор сценария, соединившего три в одно, как режиссер-постановщик и сценограф. И название спектаклю он, как обычно, дал свое, метафоричное и многозначное – «Цареубийцы (репетиция)».

После просмотра сам собой напрашивается вопрос: «репетиция», но чего? Это что, спектакль-предупреждение? Ну, это каждый решает по-своему. И никаких цензурных претензий к постановщику предъявить нельзя – действие начинается, как на любой репетиции в театре, предупредительными словами в микрофон: «Одна минута до начала! Начинаем!» И разворачиваются эпизоды русской истории XVI века, конец правления и смерть первого русского царя из династии Рюриковичей – Иоанна Грозного, тьма «смутного времени», хитроумные и жестокие игрища бояр в борьбе за власть. Тема власти актуальна во все времена, ведь природа человека не меняется.

Начало спектакля – громкая народная молва о смерти царя. А вот и он сам лежит недвижимый. Над ним стоят двое приближенных: сын – царевич Федор, и его шурин Борис Годунов – оба неприметные, в серых балахонах. Годунов все-таки решается удостовериться в кончине царя – осторожно поднимает его руку, та бессильно падает, и так несколько раз. Убедившись в его смерти, Годунов (заслуженный артист РФ Олег Алексеев) как будто раскрепощается, он даже готов давать распоряжения. Но тираны, перед которыми все трепещут, просто так не уходят, и режиссер наглядно демонстрирует это. Неукротимый повелитель Иоанн Грозный (заслуженный артист РФ Владимир Бондаренко) нежданно оживает, и Годунов опять стелется перед этой мощной фигурой с окладистой бородой – символом старой Руси.

Да, «страх правит миром» - древняя формула действует. А власть любая пользуется этим. Лишь свобода могла бы противостоять страху, потому ее так боятся все правители – будь то цари, фараоны или президенты. Перед своим уходом царь Иван Васильевич приносит жгучее искреннее покаяние об убийстве своего старшего сына и возлагает на немощного Федора непосильную для него ношу – Шапку Мономаха... Дальше наступает темень, и приходят иные картинки, возвращающие нас к сегодняшним реалиям.

Такова прелюдия спектакля, а история впереди. И подана она режиссером неординарно. В наши дни ставить драматургию А.К. Толстого в чистом виде весьма проблематично. У режиссера своя интерпретация сюжета, текста и сценического решения. Важно, что он умудряется соединить традиции психологического театра с яркой образностью игрового театра. Грузинские корни дают о себе знать, ведь его первыми учителями были Михаил Туманишвили в Тбилиси и Додо Алексидзе в Киеве. Самый неожиданный постановочный прием «Цареубийц» в том, что здесь нет плавно текущего действия. Спектакль разбит на отдельные сцены, и завер-

шает каждую из них массовка вокруг коня-скакуна и гармонист с заливчаткой гармошкой и песнями Игоря Растеряева. «Он один из немногих, кто говорит правду о России», - отмечают поклонники Растеряева. В спектакле звучит также и русская народная песенность, и музыка выдающегося джазмена XX века Яна Габарека. Так что связь времен в спектакле прочная. Не только в музыке. Здесь можно увидеть даже протестные акции, похожие на те, что мы сегодня наблюдаем на площадях наших городов (но с криками «Долой Годунова!»). Однако это не политический театр – скорее, ассоциативный, только с многослойными смыслами, где каждый по-своему воспринимает увиденное.

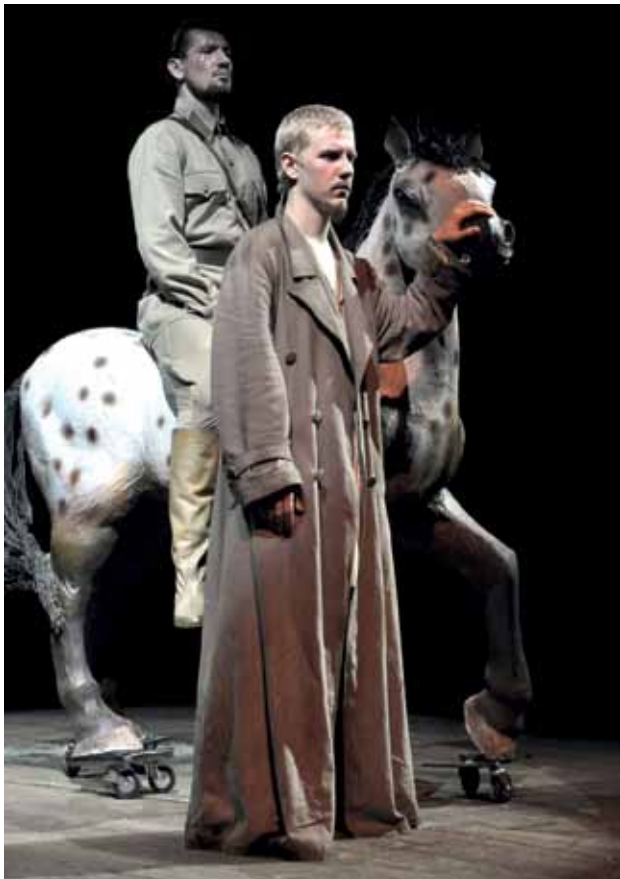
Эпоха здесь никак не обозначена, даже в сценографии. Полная отстраненность от быта: пустая сцена, в центре застыл конь ретивый в натуральную величину, ворох соломы рядом, а вместо кулис обычные фасады деревянных строений с окнами – в России все это могло быть и при любом царе, и в современной деревне. Интересная находка сценографа: арка входной двери самодержца слишком низко посажена и, чтоб войти, надо склониться. Вот так в полупоклоне и должны все являться пред царем.

Конгломерат времен здесь просматривается во всем, даже визуально – и в типажах персонажей, и в костюмах разных эпох (заслуженный художник России Е.Иванов). На сцене стоят стражники: русский – в древней кольчуге и шлеме с пикой в руке и татарин в яркой национальной одежде с чалмой на голове, тут же появляется на каталке безногий солдат в тельняшке с песней под гармошку, а там русский князь времен Грозного в европейском костюме с галстуком и в шляпе. На ком-то одежда старой русской деревни, а молодой князь Шаховской (Виталий Мелешников) красуется в грузинской чохе-архалуке, сбоку на скамейке постоянно сидит хрупкая секретарша (Елена Самсоненко) в длинном облегающем платье прошлого века с пишущей машинкой на коленях и записывает повеления Годунова. Надолго запомнится зрителям служитель церкви Митрополит всея Руси Дионисий (заслуженный артист России Андрей Курицын) - это наш современник в плаще и шляпе, с портфелем в руках, отстраненно читающий газету на скамеечке – этаким чиновник наших дней, держащийся в тени, но внимательно следящий за происходящим и постоянно присутствующий для помощи власти.

Выделяется своим костюмом и Годунов, он уже не то серое, бесцветное существо, что в начале. На будущем царе Борисе яркий красный китель с круглыми золотыми погонами (наверное, времен войны с Наполеоном) и держится этот хитроумный политик совсем иначе, ощущая свою значимость, ведь он теперь управляет царем Федором, как марионеткой. Но будущи умным, осторожным и расчетливым, он делает это так, что юный царь даже не понимает этого.

Царь Федор в исполнении Евгения Тюфякова – человек не от мира сего: хрупкий юноша, существующий как бы отстраненно от реалий жизни, доверчивый, слабый, абсолютно не ориентирующийся ни в ситуации, ни в людях. Но при этом в нем нет «жалкого скудоумия», о котором писал Толстой. В спектакле это отрешенный от мира, наивный до святости человек, на плечи которого свалилась непосильная ноша. Беда в том, что он пытается ее нести, не понимая своего полного бессилия. Особенно ярко поданы режиссером моменты, когда тихая царица Ирина (Екатерина Мелешникова), видя абсурдность благих решений мужа, пытается остановить его, а он противится ей нарочито поучительным тоном: «Ты этого не разумеешь». Эта фраза из его уст, повторяющаяся в разных ситуациях, становится доказательством полного житейского неведения царя. В этом легко прочитывается горькая режиссерская ирония, и в какой-то момент уже хочет-

▼ Сцена из спектакля «Цареубийцы»

ся посмеяться над детской беспомощностью человека, сидящего на царском троне. Но тут не до смеха. Ключевой момент – его «самораспятие». Он осознает окружающее его предательство, когда ему сообщают о смерти младшего брата Димитрия. Раскинув руки в трагическом недоумении, будто вопрошая нас, он надолго застывает в этой позе – трагедия «последнего в роде», обреченного царя. Зрителей продирает легкий озноб – вот оно распятие чистых помыслов. «Боже, боже! За что меня поставил ты царем!» Да, крест власти нести по силам только таким, как Грозный или Годунов. А народ лишь заложник политических игрищ любых «смутных времен».

Но заканчивается спектакль не царем на троне, а народом: на коне восседает лихой парень в ватнике с гармошкой и поет многозначную песню Растеряева «Русская дорога»: «Когда мы отступаем, это мы вперед идем... Просто нам завещана от Бога Русская Дорога». Про русскую дорогу – ухабистую и бесшабашную, все знают. Малоутешительно? Остается надеяться, что дорога, всегда к чему-то ведет. Зрителям самим решать: что это – полит. игрища или свободный полет игры?

В спектакле не только четкая режиссерская концепция, но и точный подбор артистов и распределение ролей. Здесь не остаются незамеченными и эпизодические роли, и характерные персонажи массовки, где каждый исполнитель существует в найденном образе, – актерская школа на высоте. Например, яркая сцена со свахой (народная артистка РФ Алла Забелина), которой угрожают, а потом витиевато объясняют, как может умереть больной царевич Димитрий. Но, по сути, велют убить его, вручая в конце длинное острие ножа. Надо видеть, как актриса по-разному реагирует на каждое услышанное слово. Сначала испуг, трепет, потом попытка понять, чего ждут от нее, и полное, безоговорочное согласие: «Наше дело вдовье». Актриса умудряется продемонстрировать идеал приспособленчества, используя элементы фарса, даже эксцентрики, при этом оставаясь абсолютно достоверной.

Но настоящий актерский фейерверк ждал тбилисских зрителей на втором спектакле волгоградцев – комедии «Примадонны» по пьесе бродвейского комедиографа Кена Людвига. Остросюжетная, зрелищная, полная смешных перипетий, она дает простор для разного рода импровизаций – и режиссер Джангишерашвили воспользовался этим сполна. Тем более, что сюжет дает волю любым фантазиям.

Два молодых актера, провалившиеся с Шекспиром на гастролях в провинции и оставшиеся без гроша в кармане, узнают, что престарелая миллионерша разыскивает потерявшихся в детстве племянниц, чтобы завещать им свои миллионы. Лео (Евгений Тюфяков) и Джек (Виталий Мелешников) решают воспользоваться случаем, отыскивают в своем гастрольном гардеробе женские наряды и отправляются по указанному в газете адресу. Здесь и разворачивается действие с моментальными переодеваниями и мгновенными перевоплощениями не только благодаря костюму, но и актерской пластике. В спектакле музыкальный конгломерат – использована музыка Н.Богословского, духовные песнопения афроамериканцев и аранжировки группы «АВВА». В постановке Джангишерашвили действие идет стремительно и сопровождается яркими танцевальными номерами – даже не верится, что это исполняют драматические актеры.

Сценография минимализирована, это театр в театре: в центре маленькая сцена передвижного гастрольного театра: помост, ступени и разветвление перил, что дает возможность многообразию мизансцен. И никакие спецэффекты здесь не нужны. Все держится на актерском исполнении.

Для тбилисского зрителя интрига состояла не столько в экстравагантности сюжета, сколько в исполните-

лях, которых накануне видели в «Царевубийцах». Евгений Тюфяков из мягкотелого царя Федора, будто зажатого тисками, предстал здесь в лице решительного, амбициозного актера Лео, лидера по духу. А сгоравший от любви князь Шаховской здесь был в роли рассудительного Джека. Представить их в женском облике было весьма сомнительно. Но когда они появились, мы глазам своим не поверили. Сногшибательные костюмы Елены Орловой сделали свое дело. Хрупкий Тюфяков предстал в роскошном платье с глубоким декольте с хитрой отделкой на груди и шее, открывавшей лишь идеальные плечи, а парик со шляпкой делали его лицо по-женски округлым. Виталий Мелешников, волосатый

▲ «Примадонны»

брюнет, явиться в декольте точно не смог бы. Для него было подобрано отлично скроенное закрытое платье с рукавчиками, подчеркивающее стройность женской фигуры. Кроме костюмов артистами была найдена иная пластика, некий шарм, что отличает женскую природу. Но вместе с тем в какие-то моменты общения с девушками, в которых они влюблены, в них комедийно вскрывалась мужская сущь.

В главной героине Екатерины Мелешниковой – Мэг, окунувшейся в мир театра и ставшей яркой и активной, трудно было узнать вчерашнюю тихую царицу Ирину. А звезду НЭТ Аллу Забелину, вчерашнюю Сваху, играющую здесь роль дряхлой миллионерши, почти умирающей, а в финале яростно танцующей, можно было угадать по ее неотразимой актерской стилистике, хотя ничего общего в этих ролях не было. Вчерашнего Бориса Годунова мы увидели в образе пастора Дункана, холодного и расчетливого ханжи, и опять, как в «Царевубийцах», стало жалко церковь, если ей служат такие люди.

Творческая команда НЭТ показала высокую планку профессионального мастерства и отдала дань Грузии – свой первый гастрольный спектакль они посвятили памяти коллеги Гиги Лордкипанидзе. В Тбилиси по достоинству оценили спектакли волгоградцев, что доказывали долгие аплодисменты вставших зрителей. Гостей приветствовали на сцене грузинским многоголосьем «Мравалжаммер», на что русские артисты неожиданно ответили тем же – они на грузинском языке исполнили «Черную ласточку», ставшую символом Гори. Для Отара Джангишерашвили, судя по всему, этот город навсегда останется родным.

Вера ЦЕПЕТЕЛИ

ЗАМУЖЕМ ЗА ТЕАТРОМ

▲ «Убить мужчину»

Ирина Мегвинетуцеси – актриса Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова, броская и яркая на сцене, в жизни предпочитает не светиться. Ее не встретишь на театральных тусовках или гламурных вечеринках. Она не «подает» себя, не любит красоваться, хотя красотой ее Бог не обделил, не говоря уже о таланте. Она остается некоей загадкой, вещью в себе.

Вот и свой юбилейный день рождения она не афиширует, хотя на грибоедовской сцене с 1984 года. Кстати, ее дебют был в роли Золушки, что кажется символическим. А дальше в списке ее ролей – Анна Каренина, Аня в «Вишневом саде», Тереза Ракен, Ханума, Кабаниха в «Грозе» - калейдоскоп разноплановых характеров на тбилисской сцене.

Ирину Мегвинетуцеси хорошо знают и в Петербурге. Она участвовала в фестивале «Балтийский дом» с моноспектаклем Свободного театра «Желтый ангел» об Александре Вертинском, где раскрылся ее музыкальный и вокальный дар. Это был Вертинский без тени подражательства, в собственной актерской интерпретации. Потом ее пригласили на фестиваль актерской песни имени Андрея Миронова в Москве, где она представляла Грузию. Но мне особенно запомнилось ее выступление на сцене БДТ по приглашению Темура Чхеидзе, где она играла моноспектакль «Ангелова кукла» по рассказам главного художника театра Эдуарда Кочергина в постановке молодого петербургского режиссера и автора сценической версии Мити Егорова. После показа было обсуждение спектакля ведущими питерскими театральными критиками, на котором был и Резо Габриадзе. Выступавшие высоко оценили и спектакль, и игру актрисы. Это неудивительно, проникновенность и заразительность ее игры ни тогда, ни

сейчас не оставляют никого равнодушным.

В свой день рождения в июле Ирина Мегвинетуцеси принимала поздравления и от «Русского клуба».

- Как воспринимаете день рождения, что он для вас?

- Я спокойно к этому отношусь. Сама в этот день никогда ничего не праздную. Только если окружающие делают мне сюрприз и собираются. Я вообще пафос не люблю по жизни.

- А нынешняя круглая дата как пройдет?

- Тоже попытаюсь проскочить. Для меня эта дата ничего не говорит. Не потому что я кокетничаю как женщина, мол, я не чувствую свой возраст, совсем нет (смеется).

- С днем рождения все ясно. А теперь расскажите, как и почему русскоязычная актриса из Украины с фамилией Мегвинетуцеси оказалась в Тбилиси?

- Я родилась в Харькове, там же закончила театральный институт. У моего отца мечта была, чтобы хоть я вернулась на его родину, поскольку в Грузии его корни, и по менталитету он был абсолютным грузином, хотя всю жизнь прожил в Украине. В Тбилиси жили родственники – мой погибший на войне дедушка был старшим братом Отара Мегвинетуцеси, так что я оказалась не совсем одна в незнакомом городе.

- А что для вас Отар Мегвинетуцеси?

- Отар был и остается для меня кумиром и примером – и в профессии и в жизни. Его уход для меня невыносимая боль и горе.

- Когда для вас открылся мир театра, и вы решили стать актрисой? Или решение было неосознанным и спонтанным?

- Наверное, генетика сработала (смеется). Я с детства была абсолютной бандиткой и клоуном. У моих родителей и в мыслях не было, что дочь станет инженером или кем-то еще. Я с детского сада вокруг себя собирала детей, и мы постоянно что-то вытворяли, разыгрывали. Так что относительно моего будущего вопросов не возникало.

- Поступить в театральный институт удалось с первого раза?

- Да. И мне повезло, у нас был потрясающий педагог Лесь Сердюк, ученик знаменитого авангардиста Леся Курбаса, создателя театра «Березиль» и расстрелянного во время «великого террора» в 1934 году.

- Театральная школа в Харькове, сохраняя основы классической школы, несла в себе элементы нового театра, как в Тбилиси школа Товстоногова и Туманишвили?

- Интересный вопрос. Казалось бы, абсолютное различие школ украинской и грузинской, тем не менее, украинский классический театр основан на эмоциях и романтизме, и в этом большая схожесть с грузинским театром. И там, и здесь – эти выбросы эмоциональности, порой даже котурны. Поэтому в институте мне легко было понимать педагога, во мне все это уже изначально сидело. Получив украинскую театральную школу, мне было комфортно в Тбилиси, потому что школы совпадали. Хотя я больше всего люблю сочетание русского психологического театра и, так сказать, грузинского национального. Но это уже с годами пришло, я сама себе эту дорожку протоптала.

- Как прошел дебют в театре Грибоедова?

- Меня взяли в театр и сразу дали роль Золушки. Как хорошо, что так случилось! То время для меня было сказкой – особая атмосфера в театре, замечательные актеры Борис Казинец, Тамара Белоусова, Валентина Семина, Наталья Бурмистрова...

- В те времена за актером обычно закреплялось определенное амплуа. Сейчас в каждой роли у вас найден индивидуальный характер. Интересно, а в театральном институте изначально какое амплуа у вас было?

- К счастью, мое амплуа сломалось еще в институте. Я поступала в 1980 году, в это время проходила Олимпиада, и Москва была закрыта для абитуриентов. Конкурс в Харьковский театральный был сумасшедший. Меня взяли на лишнее место, потому что на фоне породистых, высоких, грудастых украинок я выглядела маленькой девчонкой, взяли на амплуа инженеру. А потом оказалось, что у меня голос, и наш педагог по вокалу (спасибо ей большое!) со мной отдельно занималась, и в результате, мой первоначально высокий голос приобрел другой тембр, стал низким, и на дипломных спектаклях я уже играла героиню. А в современном театре грани амплуа уже стерты.

- Не удивительно, что дебют в «Золушке» был успешным – с одной стороны вы героиня, с другой – в вас элементы характерности. Какие из ролей стали для вас знаковыми, где удалось сделать то, что вы хотели?

- К своим удачам и неудачам, несмотря на то, что я Рак по гороскопу, а может и поэтому, я отношусь с очень холодной головой. Не могу сказать – эта роль была удачная, эта нет. Кстати, вот почему совершенно не воспринимаю творческую критику в свой адрес. Я никогда не стеснялась это говорить – да, я не люблю критику. Почему? Я настолько копаю себя, уничтожаю после того, как уже закончена работа, что мне этого вполне достаточно. Если кто-то извне мне что-то говорит, я плохо реагирую. Актеры врут, если говорят, что обожают критику. И потом, критик критику рознь. Критик – это как хороший актер, штучная профессия. Из 100 человек найдется один, его я и буду слушать.

- И все-таки, какие роли вам особенно дороги?

- Анна Каренина – одна из первых моих ролей, которая дала мне огромный опыт, Тереза Ракен, Наталья в спектакле Свободного театра «Комедианты», Елена в «Двух парах» с Никушей Гомелаури.

- Для актрисы быть матерью не легкая работа. Как это совмещается с театром? Дочь росла за кулисами? Почему не пошла по вашим стопам?

- Прекрасно совмещается. Никаких проблем с дочерью не было и нет. Я сделала все, чтобы мой ребенок не стоял в кулисах, не лежал в гримерке, не готовил там уроки. Я полностью избавила свою дочь от театрального мира. Потому что к тому времени я уже начала осознавать, что театр, помимо этой прекрасной иллюзии, которая есть у зрителя, имеет свои реалии. Поэтому избавила ребенка от этих нюансов.

▲ «Желтый ангел»

- Наверное, период адаптации в Тбилиси был непростой?

- Конечно. Я пришла в незнакомый коллектив, у меня, естественно, было какое-то стеснение, но когда я выходила на сцену, эта робость очень быстро прошла. Кстати, благодаря грибоедовцам старшего поколения, они дали потрясающий тренинг. А мой педагог в институте научил меня главному – актерской выдержке: будь это стадион или маленькая аудитория с тремя зрителями, все твои неприятности и беды должны оставаться в кулисах.

▲ «Гроза»

- Даниил Гранин говорил, что единственное, что освящает и освящает человеческую жизнь – это любовь к человеку, природе, Богу. Вы с этим согласны?

- С этим трудно спорить, потому что эти слова – абсолютная правда. Но при этом я часто вспоминаю крылатую фразу Ницше: «Чем шире ты раскрываешь объятия, тем легче тебя распять».

- Что вы больше всего цените в людях?

- Порядочность.

- А что абсолютно не принимаете?

- Предательство.

- Актеры – народ непредсказуемый. Не только в ролях, но и на репетициях, в работе. Вы как-то говорили о своих особых взаимоотношениях с текстом своих ролей.

- У меня очень плохие взаимоотношения с текстом роли. Я не могу учить его дома. Режиссеры, с которыми я работаю, это знают. Текст запоминается и начинает жить в моменты репетиции. Я ищу нюансы в сиюминутном, и то, что рождается в какой-то момент, это и остается. Потом слова текста становятся очень важным элементом роли, мелодика слов, манера подачи. Вот Никуша Гомелаури это отлично чувствовал. Я люблю, когда актеры «вкусно» относятся к словам, потому что слова – это как поэзия. Я люблю поэзию, для меня это абсолютная математика – инопланетная. Освоить ее невозможно, мне это не дано, единственное, что мне нужно сделать, поймать мелодию, скрытый код этой математики.

- Соавторствовать наперекор режиссеру, как говорила Алла Демидова, вы пробовали? Получалось?

- Наперекор? А зачем? Если ты доверяешь режиссеру, то репетиции это обоюдный творческий процесс. Конечно, иногда приходится спорить. Но последнее слово все-таки за режиссером.

- Из наших разговоров об актерских профессио-

нальных зигзагах, я помню, вы говорили еще о необычном состоянии актера после спектакля. Можете поделиться?

- Да, здесь есть свои закавыки. В молодости, когда мало профессионального опыта, главная проблема, когда сыгранная роль остается в тебе и после спектакля. Помню, как однажды после «Терезы Ракен», ко мне в гримерку зашла актриса театра Руставели со словами: «Деточка, так нельзя. Вы себя убьете». Да, Тереза – это не тот одуванчик, с которым можно было жить внутри. Я очень любила эту роль, и буквально по лезвию бритвы ходила в своих чувствах на сцене, а потом и в жизни. Только с годами я научилась – и не позволю роли разрушить меня.

- «Ангелова кукла» в этом смысле тоже была рискованной. Там острота психологических излияний зашкаливала. Но тогда, наверное, уже сказался ваш актерский опыт, и риск заразиться трагическими судьбами этих ярких персонажей был для вас не столь опасен. Но зрителей они будоражили основательно. Как жаль, что в Грибоедовском этот замечательный моноспектакль так редко идет.

- Работа над этим спектаклем подарила мне знакомство с Эдуардом Кочергиным – это человек-планета. Я с благодарностью и теплотой вспоминаю то время, я его называю «питерский период». Поездка в Питер была незабываемой.

- Да, политика разводит мосты, а культура их выстраивает. Недаром в связи с 160-летием театра вы вместе с коллегами были награждены президентом России орденом Дружбы. Что такое русский театр в Грузии сегодня?

- Как в любой республике бывшего Советского Союза, русский театр в Грузии и сейчас имеет свое назначение. Надо знакомить молодежь, которая и так не очень много читает, с русской классикой – ведь это на-

стоящий клад. Поскольку Грузия многонациональная, а тем более Тбилиси, русский язык очень важен и для общения, и для деловых и творческих контактов. Очень хорошо, что наш грибоедовский театр стал в Тбилиси практически центром русской культуры.

- *Ирина, а в кино вы не снимались?*

- Как говорит моя героиня из пьесы Радзинского «Убить мужчину» Нина, «ты понимаешь, какая штука – в кино не берут». А если серьезно, я не очень хорошо знаю грузинский язык, и сейчас безумно жалею об этом, потому что незнание языка исключило из моей жизни работу с грузинскими режиссерами театра и кино.

- *Думаете «кино не будет»? Но кто его знает, может, еще получится!*

- Может быть. Наверное, с возрастом я стала более спокойно относиться к несыгранным ролям. Надо двигаться вперед и жить.

- *Кроме актрисы кем бы вы могли себя представить?*

- Мне в юности много чего было интересно: путешествия (но в нашей стране тогда туристического бизнеса не было), можно было стать геологом, архитектором, психологом, адвокатом. Школьный учитель по праву – был у нас такой предмет в школе – умолял моих родителей, чтобы они отдали меня на юридический, уверял, что у меня есть способность к анализу, к криминалистике. «Пусть только подаст документы, я гарантирую, что она пройдет, - убеждал он. - У нее талант, это клад. Ведь эта профессия тоже публичная, и красивая жен-

▲ «Гроза»

▼ «Ангелова кукла»

щина-адвокат, это абсолютный успех. Это тот же театр – она выходит на сцену и начинает воздействовать на людей, здесь важна внешность, голос, умение убеждать...» Родители только развели руками – с ней давно все решено. Теперь иногда жалею, что не послушалась учителя.

- *Но вы все равно адвокат, только своих героинь. Даже в спектакле «Убить мужчину» вы абсолютно убедительны, и зрители на вашей стороне. А чего вы хотели бы себе пожелать?*

- Я всегда хотела много-много путешествовать, ведь весь мир – театр. Мне интересно сравнить разные культуры, понять, почему я оказалась в это время, именно в этой точке Земли. И, конечно, хочу здоровья и благополучия маме и моим родным – и это не банально. У меня в жизни было слишком много потерь. Больше не хочу терять. Сейчас я в том периоде, когда мне хочется взять рюкзачок и побродить по свету. Дочка выросла, будет обрывать свою жизнь, я уже вряд ли смогу ее чему-то научить.

- *А как же театр?*

- Это моя профессия, ремесло – кстати, я к этому слову очень хорошо отношусь, хотя оно почему-то стало ругательным. У меня нет заоблачных фантазий относительно своей профессии. Я отношусь к театру как к крепкому супружеству. Мои отношения с театром прошли много стадий; это можно сравнить с человеческими взаимоотношениями: влюбленность, роман, потом страсть, расставания и потери, а также радости, победы и много счастливых минут.

- *Вы верите в судьбу?*

- Да, я верю в судьбу и во все мистическое. Театр – ведь тоже мистика.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

**ИЛЬЯ ДАДАШИДЗЕ
(1942 – 2001)**

Мотив Шопена в этом доме снова,
И в небе помутневшем, как слюда,
В предчувствии нездешнего и злого,
Как нервы, натянулись провода.
А в этом доме жить хотят и верить,
Что можно жить без слез и суеты,
И на Куре раскачивает ветер
Нагруженные листьями мосты.
И скудный день на грани затуханья,
И сумерки лиловые легли:
А в этом доме, словно задыхаясь,
Торопятся в работе и в любви,
И каждое возникшее желанье,
Осиливая старые, спешит
Их расстрелять в упор
при барабане,
Как пленных у высоких стен души.
Но зимний вечер наступает рано,
И скоро ночь прижмется лбом к дверям,
И комкает на улицах платаны
Окоченевший ветер января.
Звучит Шопен, как вечное движенье,
И радость в нем, и скорбь, и правота...
И слушают его, как утешенье,
Распятые меж небом провода.

ВОСПОМИНАНИЕ

Памяти Александра Цыбулевского

Перенестись на десять лет назад –
Где мы с тобой блуждали наугад,
Где молод я, порывист и беспечен,
Сбегаю по бульжной мостовой,
Где ты идешь, восторженный, живой,
Недугами и болью не отмечен.

Как в том апреле жить еще легко!
И так твоя кончина далеко,
И так взхлеб шумит над головою
Листва чинар, что смерть и впрямь фантом.
Лишь за строкой стихов твоих надлом
Наметился зазубриной кривою.

Она потом аорту рассечет
Чертой исхода, подводящей счет
Строке твоей и жизни. И покуда –
Смотри, как беспределен оком,
И воздух сладок, и не крут подъем,
И даль ясна. Ну, это ли не чудо!

Он так еще не скоро, час беды!..
Пройдя насквозь базарные ряды,
У стойки мы сдуваем пену с пива.
На площади Колхозной без затей
В круговороте рыночных страстей,
И день к закату клонится лениво.

Ах, если б снова очутиться мне
В том времени, в блаженной той весне,
В неведеньи смотреть невиновато
На эту жизнь без холода в груди.
Еще не зная, что там впереди,
Какая душу стережет утрата!

ИОСИФ НОНЕШВИЛИ

ОБРАЩЕНИЕ К ПИРОСМАНИ

Здесь,
по этой улочке мощеной,
По-над мутной сумрачной рекою,
Ты бродил, бывало, опьяненный
Смутой, одиночеством, тоскою.

Говорят, что умер ты, забытый
Всеми доброхотами былыми,
Ветреной своею Маргаритой,
Даже кредиторами своими.

Вот она – судьбы нескладной милость
Смерть твоя под лестницей глухую,
Чтоб душа твоя соединилась
С небом, нарисованным тобою.

В святки ли, сочельник было это?
Вижу, как, предчувствуя свободу,
В золотистом ореоле света
Дух твой устремился к небосводу.

И знакомцы прежние украдкой
Удивлялись, разводя руками:
Умер, мол, под лестничной площадкой,
А теперь, глядите-ка, над нами.

Недоумевали: неужели
Впрямь могло произойти такое?
Не они ли свысока глядели
На тебя, Нико, как на изгоя?

Пусть себе высчитывают ныне,
Был ты выше, или выше не был...
Не таких ли за грехи гордыни
В судный час еще отринет небо?

МОРИС ПОЦХИШВИЛИ

Ах, живопись, оставь свои силки –
Соблазны масла, темперы, пастели,
Достаточно, что я пишу стихи,
Мне этого хватает, в самом деле.

Не сманивай палитрой и холстом,
Что толку в ухищреньях светотени,
Когда стоишь обуглившимся ртом
На беспощадно высвеченной сцене?

И если пальцы оборвут струну,
И стих мой захлебнется от бессилья,
Я прикручу к колкам и натяну
На лиру собственные сухожилия.

Уже гортань удушьем сведена,
И непосильны новых песен звуки,
Но дай испить мне этот яд до дна,
Не избавляй, господь, от этой муки.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Тихим, сумрачным огнем
Догорает день осенний,
Кленов трепетные тени
Клонит ветер за окном.
Догорает день осенний...

Опустевший, хмурый сад,
Листья, тронутые прелью,
Залуженные, листопад...
Вот он – горестный разлад,
Поздней осени похмелье.

Плачет сердце. Оттого ль,
Что безрадостна природа,
Что предчувствие исхода
В нем засело, точно боль?
Что безрадостна природам...

Полно маяться, душа,
Под сурдинку листопада,
Полно плакать виновато,
Тихих слез не осуша,
Вновь придет любви отрада!

И надежда наугад
Замаячит в отдаленьи...
Только листья шелестят,
Гаснет медленно закат,
Догорает день осенний.

Как быть мне отныне – тоска оседает в крови,
И душу, как птицы, с налету ветра расклевали.
Не жди понапрасну, напрасно меня не зови –
Уже непосильны ни страсть, ни любовь, ни печали,

Уже распадается стих и сбивается речь,
И незачем сердцу томиться
в напрасной надежде –
Очнуться от спячки и новое пламя разжечь,
И новое утро начать безрассудней, чем прежде.

Смотри же, ты видишь – несбыточны были мечты,
Видения счастья вдали отгорели, как свечи.
И столько в минувшем блужданий
сиротства, тщеты.
И столько тщеты и утрат еще ляжет на плечи.

И демоны ночи угрюмым круженьем своим
Мне путь преграждают, и все безысходней потуги
Спешить, как вслепую, сквозь жизни
сгустившейся дым
С обломком копья, в иссеченной мечами кольчуге.

ОТАР ЧИЛАДЗЕ

ЗЕРКАЛО В КОМНАТЕ УМЕРШЕГО ДРУГА

Памяти Гелы Габуня

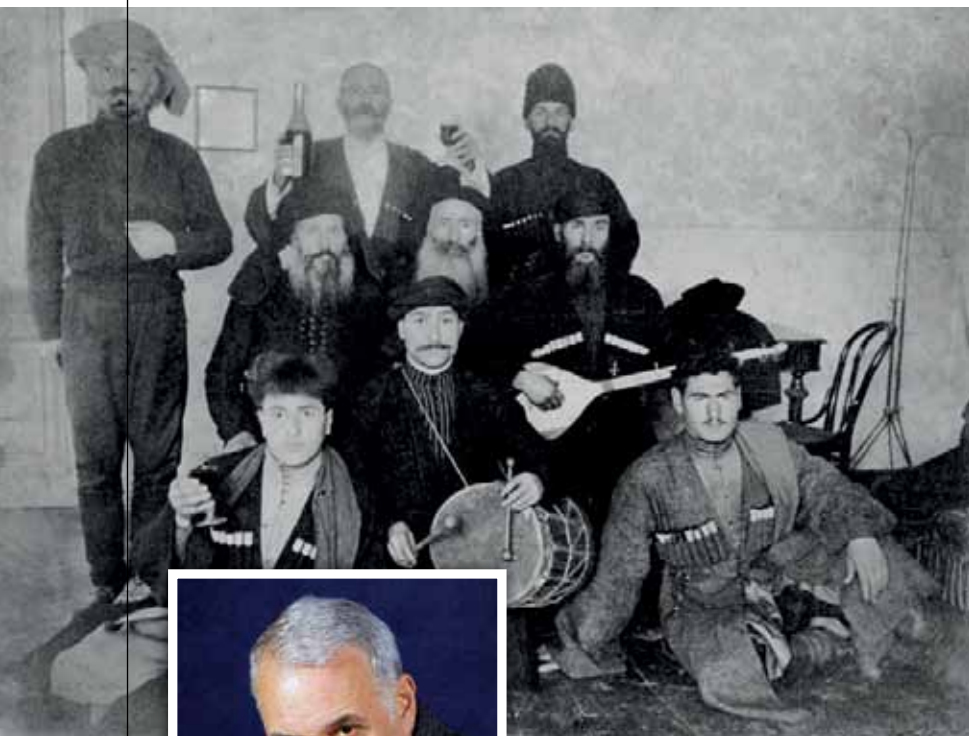
В этот день так же молча стояла стена.
Тень лежала, к порогу припав головою,
И безмолвное зеркало возле окна,
Точно пристальный страж, наблюдало за мною.

В нем звучал моих жестов невнятный язык.
И оно вдруг напомнило всеми чертами
Неподвижно и гладко застывший родник,
Помещенный в тяжелой торжественной раме.

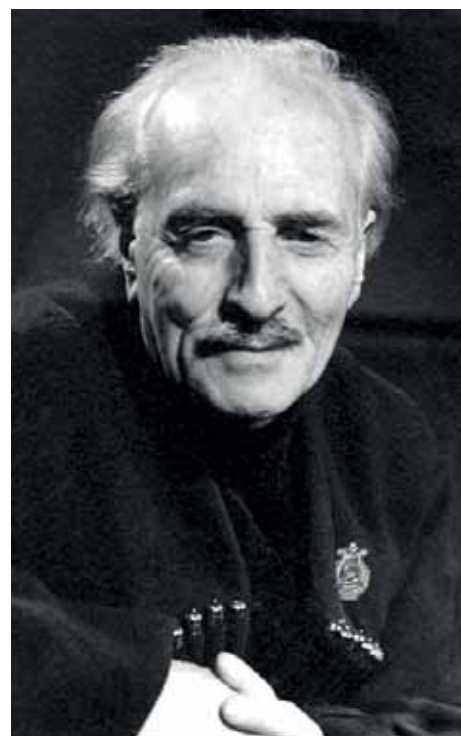
И я думал: спокойное это стекло,
Что глядело так странно и так непонятно,
Ничего навсегда удержать не смогло,
Возвращая тела и предметы обратно.

И сегодня...
Но разве до зеркала мне,
Я нарочно сейчас говорю о нем столько,
Чтоб не лопнуло сердце подобно струне,
Что устала дрожать напряженно и тонко.

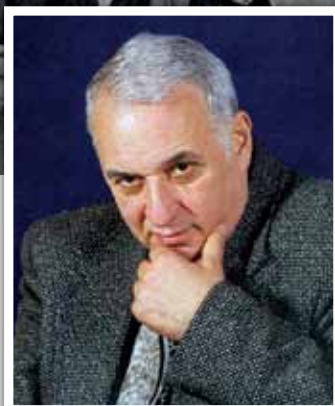
Слишком много в себе это сердце несет,
Одинаково помня и слезы, и пенье, -
В недоступное небо томительный взлет,
И на землю глухие минуты паденья.

▲ Гуго Эркомаишвили с ансамблем

▲ Артем Эркомаишвили

▲ Анзор Эркомаишвили

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ

В юности Анзор Эркомаишвили мечтал о карьере журналиста, но дед Артем Эркомаишвили настоял на музыкальном образовании. Певческой династии Эркомаишвили больше 300 лет. Ей тогда нужен был достойный преемник, который сохранил бы богатое песенное наследие. И дед в выборе не ошибся – его внук целую жизнь посвятил собиранию и восстановлению забытых народных песен. Не только исполнявшихся предками, но и представителями разных уголков Грузии. Ансамбль «Рустави», руководимый Анзором, оживлял эти песни на сцене, с успехом исполняет их сейчас. Вполне закономерно, что в декабре прошлого года грузинская публицистическая энциклопедия наградила Анзора Эркомаишвили премией «Лица и имена века».

- Батони Анзор, сколько поколений певцов в роду Эркомаишвили? Начнем со славных имен предков.

- Семь поколений. Хорошо помню прадеда – Гуго Эркомаишвили. Он умер в возрасте 107 лет, я тогда только пошел в первый класс. Прадед учил меня грузинской азбуке, стихам, песням. В свои 107 лет он обладал ясным умом, отличной памятью. Так получилось, что в последние его часы рядом были я и бабушка. Дед Артем и мои родители уехали с концертом в Батуми. Так вот, где-то в три ночи прадед вдруг заговорил. Мы сидели рядышком, но он не обращал на нас внимания, а с кем-то здоровался, называя по именам. «Гиоргий, почему вы меня тут оставили?» Бабушка догадалась, что он обращается к умершим членам своего ансамбля. Вдруг прадед искренне изумился: «Ивлиане, а ты как там оказался?!» У меня сердце ушло в пятки, а бабушка перекрестилась. Дело в том, что Ивлиане Кечакмадзе, участник ансамбля, умер за неделю до этого.

Но, конечно, прадеду об этом сообщать не стали, берегли от потрясений. Мистика, иначе не скажешь! А потом прадед пел песни из репертуара своего ансамбля. То басом, то вторым голосом, соглашаясь с невидимым нам хором. Так продолжалось три часа. Он допел любимую из песен и ушел...

- Удивительная история. Учителей по вокалу у вас было более чем достаточно.

- Согласен. Дед Артем Эркомаишвили – известный хормейстер, два его брата Владимир и Ананиа – певцы, заслуженные деятели искусств (у Гуго Эркомаишвили было десять детей). Дед знал наизусть более 2000 песнопений. Много гастролировал, участвовал в республиканских конкурсах, различных фестивалях. Дядя моего деда Гиоргий Бабилдзе считался в свое время лучшим исполнителем криманчули. Я пел с малых лет. По крайней мере, с четырех лет. Первое знакомство со сценой состоялось в Махарадзе. Зрители аплодировали нашему трио – деду, отцу и мне. Я же недоумевал: чего хлопают-то? Я так дома каждый день пою, и никто мне не аплодирует. В семь лет я в составе детского хора (руководитель – Ладико Эркомаишвили) выступал в оперном театре. Проводилась первая детская олимпиада. Тогдашний министр культуры вручил мне и моему другу Тристану часы «Луч», выпущенные в Москве. Большая по тем временам роскошь! Надо сказать, в деревне Макванети, где я жил и учился до восьмого класса, никто не имел часов. Ориентировались во времени по гудку чайной фабрики: он звучал строго в девять утра, в 12.00 и 18.00. Еще крестьяне пользовались «солнечными часами» по старинке. Часы мне были великоваты, носить их не мог.

Зато, когда в Макванети намечалась свадьба, жених непременно одалживал у меня часы. Атрибут достатка, солидности, так сказать. Я отвечал за внешний вид женихов в верхнем Макванети, а Тристан – в нижнем. К нему тоже постоянно бегали за часами. Повзрослев, мы с Тристаном шутили, что подняли демографический уровень в Макванети: сколько прекрасных семей было создано, сколько детей родилось благодаря нашим часам! Свадьбы в Макванети напоминали музыкальные конкурсы. Потому что за столом собирались обладатели красивейших голосов. Там ведь много музыкальных фамилий – Цецхладзе, Варшаломидзе, Тоидзе, Билиходзе, Чануквадзе, Бабилодзе, Сихарулидзе.

- Почему дед выбрал именно вас в качестве хранителя традиций, ведь у него были и другие внуки?

- Он считал меня самым одаренным в музыкальном плане. Отец мой погиб совсем молодым, в автокатастрофе. Надо сказать, дед принял это обстоятельство стоически. Переборов себя, он все-таки провел на следующий день после похорон назначенный концерт. Провел, но за кулисами упал без чувств. Вот такой недюжинной силы это был человек. Его дело, его слово – для меня закон. Во время первых каникул в консерватории, я стал записывать песни деда на нотной бумаге. Когда вернулся, показал учителям, сокурсникам, они были единодушны: «Это должны услышать все». Вместе с друзьями создали ансамбль «Гордела». В 1968 году я возглавил «Рустави», которому служу уже 45 лет. «Рустави» взрастил три поколения певцов. Мы объездили с ансамблем больше 70 стран мира, дали 5 000 концертов. Во времена Союза давали по 150 концертов в год. Мы записали 740 народных песен (чем не гиннесовский рекорд!) И собранные по регионам, и найденные в архивах фирмы «Граммофон» (из репертуара Гуго Эркомаишвили).

- Как фирма «Граммофон» вышла на вашего прадеда?

- В 1901 году эта лондонская фирма открыла в Тифлисе свой филиал. Были также ее представительства в Москве, Петербурге. В Грузии она проработала до 1914 года, до Первой мировой войны, продавала граммофоны, выпускала пластинки. Чтобы заинтересовать покупателей, записывали прославленных грузинских певцов – Вану Сараджишвили, других исполнителей. В 1907 году пригласили Гуго Эркомаишвили и его хор, записали тогда 49 гурийских песен. На память о сотрудничестве фирма подарила прадеду граммофон. Он хранится в моем доме, завожу его для гостей. К тому моменту, когда я по совету деда стал восстанавливать музыкальную летопись нашей семьи, в Грузии не сохранилось ни одной мало-мальски качественной пластинки. Я нашел старые записи в Москве, Риге, Ленинграде, Лондоне и Париже. Грузинское телевидение, наше Министерство культуры всячески мне помогали. Сам Отар Тактакишвили, великий композитор, писал рекомендации, чтобы меня допустили к работе в архивах. В Москве, на улице Бауманской, я работал несколько месяцев. Там хранились матрицы, с которых печатались грампластинки. На старых картонных карточках, прилагаемых к матрицам, небольшая информация – название песни, исполнитель, год. Я обнаружил там немало ценных находок. Эта коллекция хранится сегодня в архиве Грузинского радио и телевидения или, возможно, в центральном архиве. В 90-е годы я издал книгу «Первые грампластинки Грузии». Небольшой тираж моментально разошелся.

- Теперь записать песню не представляет сложно-

сти. Но как вы раньше справлялись?

- До 70-х годов, пока не появились магнитофоны, приходилось нелегко. Сейчас, естественно, все проще. Но ведь надо было до сих пор дотянуть. И я знаю один надежный способ: если хочешь, чтоб народная песня жила, научи петь детей.

- Вы про «Мартве», фольклорный хор мальчиков?

- Именно так. Дети раньше не пели народных песен, особенно городские. Был потрясающий эстрадный ансамбль девочек «Мзиури». Для мальчишек – никакой альтернативы. И я решил заполнить пустоту. Начал искать одаренных детей, моих первых «орлят» («Мартве» в переводе с грузинского – орленок – М.А.). Со временем ситуация изменилась – желающих стало хоть отбавляй. «Мартве» гастролировал по всему Союзу, без его участия не обходился ни один правительственный концерт. Мы создали прецедент, а дальше количество детских фольклорных коллективов росло в геометрической прогрессии.

- Правда, что «Мартве» сосватал вас с будущей женой?

- И причем очень удачно! Моя жена Лали Сетуридзе – музыковед, работает на радио. Она дебютировала в эфире с передачей о «Мартве». Так и познакомились. Лали – очень понятливый, добрый человек. Иначе как ужиться с таким как я мужем? 24 часа в сутки занят, на гастролях пропадаю, гостей привожу постоянно – встречаю, накрывай, мол, угощай.

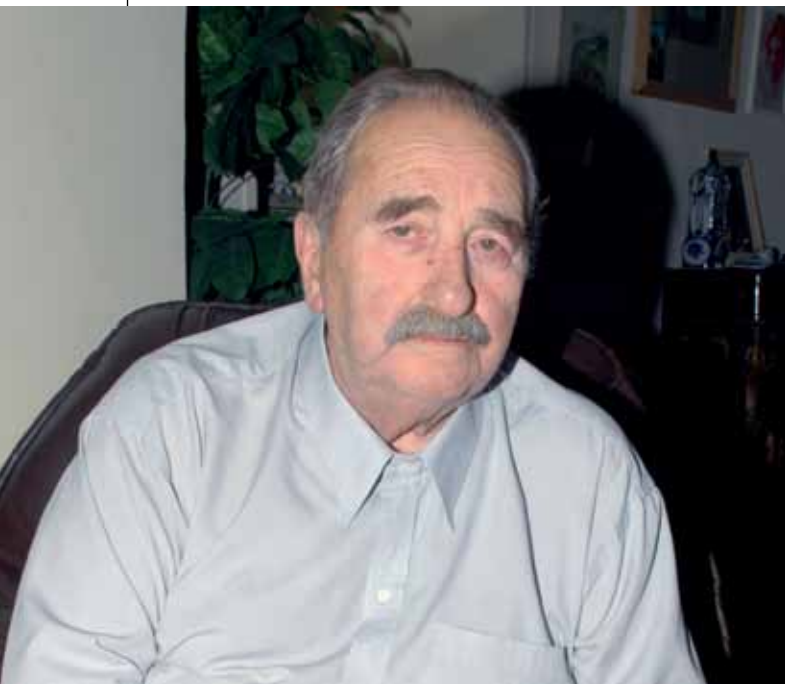
- Писательский потенциал вы все-таки реализовали. О чем ваши книги?

- Про «Первые грампластинки Грузии» я уже сказал. Потом вышли в свет книги «Дедушка», «По следам двух ансамблей», «Дороги, песни, люди». Рассказываю истории из творческой, гастрольной жизни. Раскрываю секреты артистических будней. На нас ведь ложится большая нагрузка. Случается проезжать по 800 км в день, за окном тридцатиградусный мороз, а вечером будь добр отработать концерт. Артисты не имеют права расслабляться. Зато сколько любви мы получаем взамен! В Италии после концерта один из зрителей сделал нам замечательный комплимент: «Горжусь, что являюсь членом человечества, создавшего такую музыку!»

- Артему Эркомаишвили сделал комплимент писатель Ромен Роллан. Как все это было?

- Ромен Роллан по приглашению Максима Горького находился в Москве. Дед поехал туда с гастрольями, и Горький пригласил французского классика на концерт. Ромен Роллан, известный знаток музыки, услышав деда, сказал: «Счастлива страна, где живут такие люди, счастливы люди, у которых такая песня». Игорь Стравинский, гениальный композитор XX века, в интервью журналу «Америка» признался: «Одно из важнейших музыкальных потрясений – это записи грузинского народного полифонического пения... Это великолепная находка, которая может дать для исполнения больше, чем все приобретения новой музыки». Вот какую силу воздействия имеет народная песня! Добавлю, что когда в 1977 году американцы запустили в открытый космос два зонда-близнеца «Voyager-1» и «Voyager-2», в послании братьям по разуму среди прочей земной музыки была и грузинская песня «Чакруло». Народная песня на все времена, это универсальный язык общения и на Земле и за ее пределами.

Медя АМИРХАНОВА

▲ Гига Лордкипанидзе

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ ГРУЗИИ

Государственный академический Малый театр России вместе с вами скорбит о кончине народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР Григория Давидовича Лордкипанидзе. Не стало одного из самых замечательных режиссеров второй половины XX века. Выражаем искренние соболезнования родным и близким Григория Давидовича. Светлая память и вечный покой!

Юрий СОЛОМИН

Художественный руководитель,
народный артист СССР

Ушел из жизни человек, посвятивший себя служению театру, замечательный режиссер, народный артист СССР, много лет возглавлявший Союз театральных деятелей Грузии. Память о Григории Давидовиче всегда будет жить в наших сердцах.

Наши соболезнования родным, близким, друзьям Григория Давидовича. Скорбим вместе с вами.

Валерий ШАДРИН

От имени Международной конфедерации театральных союзов и Чеховского фестиваля

Скорбим вместе с вами по ушедшему великому режиссеру театра и кино!

Своим творчеством Григорий Давидович Лордкипанидзе внес неоценимый вклад в развитие театрального искусства и кинематографа на всем постсоветском пространстве. Его кончина – это большая потеря для мировой культуры!

Наши искренние соболезнования родным и близким.

«ФОМЕНКИ»

Дорогие коллеги, друзья! Не стало Григория Давидовича Лордкипанидзе, выдающегося грузинского режиссера театра, кино, человека, которого знали, любили не только в Грузии, но и в России и далеко за ее пределами. Недавно я поздравлял его с юбилеем, а теперь вынужден говорить слова прощания этому уникальному деятелю грузинского искусства. Его по праву называли национальным достоянием Грузии. На его спектаклях и фильмах выросло несколько поколений зрителей. Память о нем навсегда сохранится в сердцах всех тех, кто знал, любил этого удивительного мастера, человека высокой культуры, мощнейшего таланта. Светлая память и низкий ему поклон.

Александр КАЛЯГИН

Союз театральных деятелей РФ

Ушел из жизни выдающийся режиссер, народный артист СССР Григорий Лордкипанидзе. Григорий Давидович посвятил театру и кино более шестидесяти лет жизни. Это, безусловно, невосполнимая потеря для современного грузинского театра и кино.

Коллектив театра приносит свои глубочайшие соболезнования родным и близким Григория Давидовича.

Олег ТАБАКОВ

Художественный руководитель театра

Александр СТУЛЬНЕВ

Директор театра

Позвольте высказать вам и всем родным и близким Григория Давидовича Лордкипанидзе, нашего дорогого Гиги, слова глубочайшего соболезнования.

Мы потеряли великого человека, великого художника, великого грузина! Его творчество дарило и дарит свет и радость многим поколениям зрителей. Он точно знал, что кинематограф и театр – это великое искусство, и приносил в нашу жизнь очень важные смыслы, которые ушли с ним.

Вместе с друзьями и поклонниками таланта Григория Давидовича разделяю вашу скорбь по этому выдающемуся режиссеру, человеку большого таланта и незаурядной судьбы, чье имя навсегда вписано в летопись мировой культуры.

Михаил ШВЫДКОЙ

Специальный представитель Президента РФ
по международному культурному сотрудничеству

Трудно поверить в то, что ушел из жизни Гига, Григорий Лордкипанидзе – режиссер, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, возглавлявший Союз театральных деятелей Грузии, вице-президент Международной конфедерации театральных союзов. Он дважды в различные периоды был художественным руководителем театра имени А.С. Грибоедова и выпустил немало замечательных спектаклей.

Мы потеряли друга, обладавшего огромным авторитетом в мире искусства. Нам будет не хватать Григория Давидовича – большого друга театра имени А.С. Грибоедова и Союза «Русский клуб». Мы всегда ощущали его поддержку, его сильное плечо... Пусть земля будет ему пухом!

Коллективы Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб»

Мир без преград

8 (800) 200-77-99
звонок по России бесплатный
www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

1512-2972